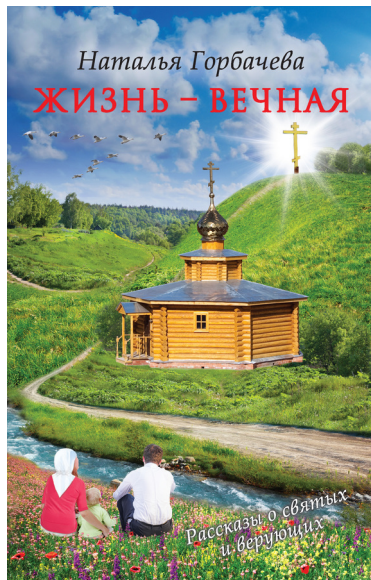

Наталья Борисовна Горбачева
Жизнь – вечная
Серия «Рассказы о святых и верующих»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8155686
Наталья Горбачева. Жизнь – вечная: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084967-3

Аннотация

Новая книга Натальи Горбачевой продолжает тему двух предыдущих сборников ее рассказов «Без любви жить нельзя» и «Мои друзья святые». Они о том, как душа постепенно становится верующей, как случайные события на ее пути восхождения к Богу, становятся необходимыми и закономерными. Известная писательница свидетельствуя о личном опыте, доступно и ясно преподносит серьезные духовные истины. Задевают за живое искренние рассказы о встречах автора с мудрыми людьми, которые в свое время перевернули ее жизненные представления, научили отвечать за свои слова и поступки.

Погружаясь в рассказы Натальи Горбачевой, читатель невольно сопереживает происходящему, беседует с героями книги, открывая новые грани души и задумываясь над собственной жизнью.

Содержание

К читателю	5
Чудовищные грибы	6
Теория вероятностей	10
Ассоль	19
Аннушка уже разлила масло	26
ТАСС уполномочен заявить	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Горбачева

Жизнь – вечная

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
номер Издательского совета – ИС Р 14-408-0816

К читателю

Новая книга известной писательницы Натальи Горбачевой продолжает важную тему двух ее предыдущих сборников рассказов¹ о том, как человеческая душа становится верующей и обретает духовный опыт. В продолжение земной жизни случаи к тому Творец в изобилии представляет всем людям, но далеко не каждый за чередой случайных и хаотических житейских обстоятельств различает Его призывы к вечной жизни... Писательница умело показывает, как «случайное» становится «необходимым» на пути восхождения души к Богу. Если не задумываться об особом писательском даре Н. Б. Горбачевой, ее можно назвать обычной миряной: она не монахиня, не супруга священника, не штатный «катехизатор» или «миссионер». Благодаря этому тон книги остается доверительным, автор говорит с читателем на понятном каждому языке и на примере житейских историй рассказывает о том, что всегда волнует: выбор между злом и добром, предательством и самопожертвованием, подлостью и благородством. Отдельная тема посвящена таланту: как распознать его в себе, проявить и направить на служение ближним и Богу, одним словом – не закопать в землю.

Современный человек растерян, введен в заблуждение обилием рекламы сытой и безответственной жизни, раздражен попытками навязать ему определенную веру или идеологию. Немудрено, что читатель негативно воспринимает тексты, написанные с позиции «учителя», обращенного к «ученикам». Рассказы Н. Б. Горбачевой, номинанта Патриаршей имени святых Кирилла и Мефодия премии 2014 года, менее всего являются вероучительными или нравственными беседами. Автор с очевидной ясностью свидетельствует о личном опыте, делится необходимыми наблюдениями. Не оставят равнодушными истории о встрече с людьми, которые меняли представления о жизни и сам ее вектор, разворачивающийся к Богу. В наше время молодежь ищет легких путей к славе, но мало кто задумывается, чем она оборачивается. Повествование о том, как автор поступала во ВГИК, мужественно преодолевала препятствия, не впадала в отчаяние, училась отвечать за свои поступки и писательский талант – несомненно заставит задуматься о том важном, что постепенно перестает быть ценностью в нашей жизни. Реален ли былинный богатырь Илья Муромец? Одно ли это лицо с преподобным Илией из Муромы – тема прекрасного рассказа, в котором герои – дети, мечтающие стать святыми. Для почитателей Пушкина документальное эссе автора о его смерти может стать настоящим откровением... Кто виноват в его смерти становится вполне очевидным.

Подлинный дар писателя, как думается, в том, чтобы в максимальной простоте и легкости повествования донести серьезные духовные истины. Н. Б. Горбачева обладает таким даром. Ее рассказы к тому же «объемны». Читая их, человек невольно ставит себя в предлагаемые обстоятельства, спорит или соглашается с автором, открывает новые грани своей души, во всяком случае, не остается равнодушным, перестает воспринимать жизнь, подобно многим сейчас, через компьютерную картинку. Пейзажи оживают, герои входят в жизнь читателя, слова проникают в душу и становятся тем семенем, которое в свое время даст плоды.

*Н. Н. Павлюченков, кандидат богословия, кандидат философских наук,
преподаватель миссионерского факультета ПСТГУ*

---

¹ «Без любви жить нельзя» и «Мои друзья святые».

Чудовищные грибы

Почему одни люди любят жить в деревне, а другие в городе, и ни за какие коврижки на деревенские просторы их не заманишь? Не стало, что ли, у человека сил от городской суеты оторваться? Или цивилизация совсем народ расслабила? Грустно идейному горожанину в «нецивилизованной» деревне: воды горячей нет, а за холодной на колодец далеко идти. Никакого спасения от комаров и злющих мух: до магазина, который только на станции, могут в кровь изгрызть. Автобус туда не ходит. Если нет собственной машины, остается только на велосипеде педали крутить, но с непривычки горожанину как бы инфаркт не схватить, а уж пёхать десять километров туда и обратно – целый подвиг. Одним словом, отговорок тьма.

Вокруг моей деревенской дачи в Березове живописная красота средней полосы России: речка – сто шагов от дома, с лилиями и кувшинками, вокруг прозрачные боры и дубравы. И все равно трудно соблазнить городских друзей и знакомых полюбоваться ею, подышать родиной... Приедет кто – новая беда. В лес бояться со мной идти: вдруг заблудимся. И вообще, пока наберешь корзину грибов, все ноги обобьешь, а уж ягоды собирать – форменное наказание. Понаклоняйся-ка за каждой ягодкой, спина отвалится. Не в укор говорю. Жизненное наблюдение... Люди разные. Но интересно, почему так? Что для одного ясно, понятно и приятно, для другого – каторга. Тайна сия велика есть...

Поначалу я злилась, уговаривала и стыдила этих бояк, которые обделяют себя же, не радуют душу поистине божественной красотой. Но постепенно успокоилась. Помог мне преподобный Антоний Великий. Сохранился поучительный рассказ об этом великом чудотворце третьего века.

Авва Антоний в пору своих начальных подвижнических трудов впал в некое уныние оттого, что осознал, насколько велики глубины Божьего домостроительства.² Преподобный стал вопрошать: «Господи! Отчего некоторые из человеков достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны – другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и изобилуют всеми земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетою?» Долго был он занят этим размышлением, и пришел к нему глас: «Антоний! Внимай себе и не подвергай исследованию судеб Божиих, потому что это – душевредно, нет пользы испытывать суды Божии».

И я старалась больше не отвлекаться на душевредные исследования ни в малом, ни в большом: кто, и почему, и зачем?..

Если же, к моей огромной радости, кто-то соглашался в летнюю пору, как Меньшикова в Березове, навестить меня – я готовила гостям большую культурную программу: в бане с дубовыми вениками попарить, от души накормить грибами и ягодами, в лес не тянуть, ни-ни, только погулять по окрестностям. И надо сказать, такой прием запоминался надолго, грел души моих друзей в унылые зимние вечера...

Однажды ждала я в гости свою давнюю подругу. Грибов-то я наобещала, да неоткуда им было взяться. После жаркого июля сушь стояла, никто и в лес-то не ходил.

Но дала слово накормить грибами – держи! Отправилась я в лес, побродила по ближним болотинам, но в них только и отыскиались несколько засушенных сыроежек. Что делать? Делать нечего. Только смириться. Я смирилась, но все же в сердцах помолилась: «Господи, ну пожалуйста, мне всего-то и нужно жарехи на среднюю сковородочку. Неужели во всем лесу не найдется такой малости...» Это скорее скулеж был, так хотелось мне дорогому гостю приятное сделать.

---

² Домостроительство Божественное (икономия) – осуществление Божественного замысла спасения человечества в истории.

На следующий день первый дождик прошел – пора бы уж, заждались. Но он только пыль прибил. Для грибов надо, чтобы не брызгало, а лило хотя бы неделю.

Ни с того ни с сего меня вдруг так потянуло в лес, что трудно было противиться... Зачем, не понятно. Но собралась. Не стала даже корзину брать, только сунула в карман два больших пакета – бересты набрать для печки. Давно собиралась: берестой лучше всего печку разжигать. Пошла я по дороге, вдоль которой много старых берез валялось. Нашла здоровущую, приноровилась сдирать с коры бересту. Рядом небольшое болотце было, в которое я два дня назад заглядывала: в нем даже мох высох. Непонятно зачем потянуло в него еще раз заглянуть.

Сделала я вглубь несколько шагов и ахнула: в болоте на каждой кочке стояли молоденькие подберезовички-черноголовики. Сказка! Я такого количества качественных грибов на единице площади не видела никогда. Первая мысль была: это чудо нужно всем показать. Невозможная красота... Но потом жаба стала душить: эдаких знатных грибочков можно сразу столько собрать, чтобы на всю зиму намариновать. До слез пожалела, что зов Божий не услышала, корзину не взяла... Высыпала бересту из пакетов и стала срезать черноголовики. Через полчаса оба были набиты доверху. Осталась всего пара кочек не обобранных – для развода. Если бы не они – никто не поверил, что такое здесь было.

Взяв в руки пакеты с трофейными грибами, я поняла, по-человечески рассуждая, что ноша неподъемная. Но если Бог послал, Он и донести поможет, поэтому часто вздыхала: «Господи, помоги донести, я ведь не могу Твой дар бросить, помоги...» До дома идти было сорок минут быстрым шагом, я волочилась часа два. Стараясь, чтобы меня не заметили, прокралась задами в свой двор: тут только бросила свою ношу на землю. Грибочки в пакете свой товарный вид наполовину потеряли. Решила пожарить и заморозить.

– Паш! Иди сюда! – позвала я племянника. Больше никого на даче не было.

– Теть, что это? – от удивления сделав круглые глаза, спросил подошедший Паша.

– Паша, тихо... – устало шепнула я. – Грибы, не видишь?

– Их же нет, тетя!

– Для кого нет, а для кого есть... Завтра возьму тебя. Только – никому! Ничего! Ни слова! Усек?

– Так не бывает, тетя!

– Все, молчи, неси, а то я рухну!

Паша подхватил пакеты, удивился больше прежнего:

– Теть, как ты все это доперла?

– Не знаю, – призналась я. – Чудовищные грибы. От слова «чудо»...

– Все у тебя непросто, тетя, – задумчиво вздохнул Паша. – Я завтра в город поеду.

– Зря.

Вечером я отварила грибы, резать их рука не поднималась. Глупость, конечно. Грибы стали маленькими-маленькими, но набралось этих чудесных малявок с полведра. Переkreстила их и не стала вечером приставать к Паше с походом в лес. А вдруг в болотце грибов больше не будет? Засмеет ведь.

Утром я с опаской заглянула в ведро: чудовищные грибы не превратились в лягушек, не покрылись липкой паутиной, не растворились в пространстве. Значит, не обман...

– Паш! – крикнула я. – Собирайся, в лес пойдем.

Паша дрых без задних ног, еле растолкала его. Про отъезд в город он не вспоминал... Трудно найти подход к шестнадцатилетнему парню. Я стала откровенно лстить:

– Идти полчаса. Ведро грибов наберешь за четверть часа, на одном месте. Я тебе их замариную. Все будут тебя всю зиму хвалить и благодарить.

– Нет в лесу грибов, – ответил Паша. – Хочу спать.

– Паша, я покажу тебе заветную поляну, там есть. Честное пионерское.

– Не верю! – не так веско, как Станиславский, сказал Паша, зевнул и перевернулся на другой бок.

Я почувствовала слабинку в его голосе, взмолилась: «Господи, помоги» – и завопила:

– Подъем! Подъем! Подъем!

– Не ори, тетя! Слышу. – Паша сел на кровати, снова зевнул и согласился: – Ладно, пошли. Но если там не будет грибов...

– То что?

– Значит, ты обманываешь маленьких, – ответила мне почти двухметровая детина.

До места назначения мы шли сосредоточенно молча. У каждого было по два полиэтиленовых ведра вместо корзин.

Можно будет, конечно, обратить все в шутку, думала я, если грибов в болотце не окажется. Но меня саму распирало от любопытства: что это было? Может, правда грибы везде появились? Тогда понятно... А если не появились? Тогда непонятно...

– Паш, ты в болоте-то молись, чтобы грибочки найти.

– Теть... – укоризненно сказал Паша. – Хватит уже!

– Паш, – в тон ему ответила я. – Пришли уже!

– Зде-е-е-сь? – разочарованно протянул он, остановившись на краю болотца. – Издеваешься? Тыщи людей тут уже прошли.

– С какой бы стати здесь этим тыщам проходить? – спросила я с подозрением.

Болотце было, конечно, на виду, рядом с перекрестком двух больших лесных дорог. Это место так и называлось – Кресты.

– Я соседям вчера сказал, что ты грибов притащила.

– Зачем? Паш, просила же тебя...

– Для чистоты эксперимента, – ответил он.

– Дурень ты, Паша! И тайн тебе доверять нельзя.

– Тебе же соседи говорят, если грибы в лесу появились?!

– Ага... Когда уже весь поселок знает, – уточнила я и возрадовалась. Потому что увидела кочку с маленькими грибочками. – Ты, Паш, забирай правее! Через пятнадцать минут встречаемся здесь. Главное – молись и не бойсь. Привет!

И я шагнула в болотце. Он – тоже, повернулся спиной и, перескакивая с кочки на кочку, стал удаляться.

В моей стороне на одной кочке я срезала три десятка грибочков. На других росло не меньше десятка. Только успевай чикать ножичком черноголовики. Я смеялась: откуда взялись такие хорошенькие?

Вдруг буквально в десяти метрах от меня пронеслись по дороге трое грибников. Я не успела пригнуться, но они в мою сторону и головы не повернули. Через некоторое время появилась еще парочка с корзинами и быстро удалилась. Обратить внимание на мое неказистое болото никому и в голову не приходило! Все чуть не вприпрыжку стремились к своим грибным местам – так соскучились грибники по делу. Ну что ж – помоги Бог!

– Теть! – услышала я невдалеке унылый голос.

– Что, Паш?

– У тебя есть?

– Почти ведро...

– А у меня ничего нету...

– Сказала же тебе: молись! – крикнула я.

– Как?

– Молись: Ангел Божий, покажи мне гриб! Понял?

Ответа не было. Несколько минут стояла тишина. Потом вдруг раздался победный крик:

– Теть! Теть!

Дело у Паши, видимо, пошло. Через полчаса мы встретились на условленном месте: у каждого было по два ведра первосортных черноголовиков.

– Теть! Ты обещала замариновать, – сказал довольный Паша.

– На свою голову... – засмеялась я. – Будешь помогать! Банки мыть.

– У меня же рука не влазит!

– Не бойсь, найду чем тебя занять.

Довольные, но совсем не усталые мы возвращались домой.

– Теть, я не понял... – вдруг сказал Паша. – Я ходил, не было грибов. А потом на тех же местах – и появились. Так не бывает!

– Ты, друг мой, видно, под другим ракурсом на них посмотрел, – предположила я.

– Под каким еще ракурсом?

– Молитвенным.

– Да... – задумался Паша и снова замолчал.

Хотелось, так хотелось мне вернуть что-нибудь проповедническое про чудо, про веру, про молитву. Как бы было к месту... Но я, как теперь понимаю, приняла мудрое решение и промолчала, предоставив племяннику возможность поразмыслить самому. Я в тот памятный день опытно и твердо познала духовную истину: Богу все возможно.³ Не только грибочки перед самым носом взрастить, но спасти человека в самых трудных обстоятельствах. Поверил ли в это Паша – жизнь покажет, она длинная, полосатая.

– Знаешь, что важно... – уже перед самым домом решила сказать я. – Я про ракурс... Молитва действительно чудеса творит. Только мы ею мало пользуемся и потому не замечаем этих чудес. А тут тебе, так сказать, наглядный пример...

– Да... теть... Как-то даже не по себе, – ответил задумчивый парень. – Кому рассказать – не поверят.

– Нет, не поверят, – согласилась я.

– Я тебе вообще-то наврал, каюсь, – вздохнул Паша. – Я не говорил соседям ничего.

– Да? – удивилась я. – А чего это они все в лес побежали, странно.

– Тебя, наверно, вчера кто-то увидел с грибами.

– Выходит, так...

Паша натаскал мне воды, на том и кончилась его помощь. Но ее особенно и не требовалось: грибочки были чистые и ни одного червивого. К ночи все они были под маринадом и сидели по трехлитровым банкам.

Потом вернулся Паша и сказал, что никто ни одного гриба из леса не принес.

На следующий день обещала приехать подруга. К долгожданной встрече теперь я была готова: имелись обещанные грибы – хоть жареные, хоть какие... Но она не приехала, что-то помешало. Вот это было жаль... «Знамения нужны не для верующих, но для неверных», – заверяет святитель Григорий Богослов. Не увидела подруга детства этого чуда и, может, поэтому до сих пор так и не перешла церковной оградой... А может, совсем не поэтому. Вспомнила я Антония Великого: «Внимай себе и не подвергай исследованию судеб Божиих» – и успокоилась.

---

³ «Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человеку это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19:25–26).

Теория вероятностей

Паша не вполне отдавал себе отчет, как одарил его Бог. Я, Пашина родная тетка и крестная мать, денно и нощно молилась о нем с самого младенчества, с первых сознательных лет рассказывала сынку о вере, объясняла заповеди, твердо призывала жить по-христиански. Много ли сейчас таких счастливицов? Тяжело все-таки усваивать истину: кому много дано, с того много и спросится.

Я родилась в России совсем в другое время, когда о Христе забыли, казалось, напрочь. Указывать путь к Нему было некому, каждый шаг давался с огромным трудом, кровью сердца. Но теперь, оглядываясь назад, в странных сцеплениях своей судьбы вижу явную руку Промысла Божия, который сам отсекал ненужное во мне, прививал необходимое, обучал истинному рассуждению, на все это давал мужество и настраивал на жизнь вечную...

Окончив математическую школу, я без труда поступила на мехмат университета. Дорожка была проторенной: родители инженеры, все их знакомые и друзья – инженеры, кем же мне еще быть, как не инженером? Училась без труда. Друзей и безобидных развлечений в пору моей молодости было полно – походы, выставки, самиздатовские книжки, веселые вечеринки почти без алкоголя – ну разве что с портвейном «777» для куражу. Водку надо было «доставать», а на это не было ни денег, ни времени. Слава Богу, что между СССР и Западом был железный занавес, это действительно надолго оградило основную учащуюся и работающую часть россиян «от тлетворного влияния»,⁴ от знания тех пороков, которые ныне знакомы и ребенку... Казалось, что чудесный студенческий капустник никогда не кончится. Взрослая жизнь маячила за далекими горами. Впрочем, в доперестроечное время мы не задумывались о будущем еще и потому, что перспектива была жестко задана триадами: октябрята, пионеры, комсомольцы; детство, юность, взрослая жизнь; работа, семья, дети. Все по-советски, все как у всех. Никаких отклонений не могло быть, так нас воспитывали.

Первым моим сознательным отклонением от советского жизненного курса стало твердое решение, что ради карьеры не вступлю в партию категорически. Почему оно возникло, не знаю. Отец занимал номенклатурную инженерную должность; ради нее он должен был закончить вечерний Университет марксизма-ленинизма. Книжки по «теории марксизма-ленинизма» бывали и дома. Заглядывая в них еще в школьные годы, я недоумевала: о чем это? Набор слов, который, по моей логике, ничего не доказывал. Был в той «теории» какой-то обман, но в чем он состоял, додуматься было трудно. Истинной истории страны мы не знали. Вся эта «ленинская идеология» стала предметом анекдотов – язвительных, но в «десятку» точно отражающих истинное положение вещей в стране. Кто их придумывал? Оставались же еще умные люди... До сих пор с удовольствием вспоминаю эти анекдоты.

Радио сообщает, что в стране изобилие продуктов, а наш холодильник пустой. В чем тут дело? – Включите холодильник в радиосеть.

Колонна медработников на Первомайской демонстрации несет плакат: «Советский паралич – самый прогрессивный в мире!»

Диктор Центрального телевидения сообщает: «Дорогие товарищи телезрители! Сегодня в 21.30 по первой продовольственной программе будет показан бутерброд с копченой колбасой».

Какие основные препятствия перед советским сельским хозяйством? Их четыре: весна, лето, осень и зима.

Свобода слова – это осознанная необходимость молчать.

---

⁴ «Более всего, друг, боясь кого-либо соблазнить; ибо добро в людях не твердо, оно едва стоит, даже когда и никто его не колеблет». (Преподобный Исидор Пелусиот.)

Семь чудес советской власти: безработицы нет, но никто не работает; никто не работает, но план выполняется; план выполняется, но купить нечего; купить нечего, но всюду очереди; всюду очереди, но мы на пороге изобилия; мы на пороге изобилия, но все недовольны; все недовольны, но голосуют «за».

Рабочего спрашивают, хорошие ли у них на заводе условия работы.

«Трудно, но выносим понемногу!» – ответил тот.

По радио часто звучала песня «Партия – наш рулевой». Я в этом сомневалась, но часто задумывалась: если не партия, то кто? Обязательно должен быть какой-то Рулевой, который упорядочивает жизнь на Земле, иначе был бы хаос. Ложь советского образа жизни чувствовали многие из моего окружения, но истину мало кто искал. Каждый приспособивался, как мог. На эту тему тоже анекдот был. «Порядочный человек – тот, кто при малой выгоде большой подлости не сделает». У кого были «связи» – пользовался ими, многие выдвигались «по комсомольской линии», «неудачники» без связей и комсомольского огонька отправлялись после универа по распределению тянуть лямку в глухую провинцию или городскую «контору кому нести чего куда» – какую-нибудь проектную организацию, в которой, как казалось, основными занятиями были чтение ежедневной прессы, обсуждение художественных новинок и фирменного культового барахла, которое удалось «достать», ежечасные чаепития, соревнование в кулинарных способностях, шитье, вязание, празднование дней рождения и других частных праздников. Подобное времяпрепровождение на работе в принципе всех устраивало. Как в анекдоте. Армянское радио спрашивают: «Верно ли, что в СССР оплата не соответствует работе?» – «Неверно. Соответствует. Они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем».

Три года я также «тянула лямку» в подобной конторе, пока не вылетела из нее пробкой. Именно пробкой, сама я вряд ли решилась бы кардинально изменить свою жизнь, когда по распределению попала в проектно-техническую «контору». Бог через обстоятельства жизни постепенно приближал меня к Себе, искусно пользуясь теми качествами характера, которые, казалось, трудно приспособить к духовным поискам. Но «невозможное человекам, возможно Богу».⁵ Дух авантюризма, который жил во мне с детства, сыграл решающую роль. Нет, никакой «чудесной» встречи с Богом не было. Путь к нему был на ощупь, долгий и временами трагический.

Я любила ездить «куда глаза глядят» и много путешествовала. В старших классах родители с удовольствием отправляли меня на школьных каникулах по каким-то путевкам, которые отец мог достать. А в универе про меня уже и поговорку сложили: «Натаха как наскребет три рубля – сразу билет на поезд покупает». Не только на поезд наскребала, но и на самолет... Хорошо помню, что в путешествиях я чего-то все время искала, но не могла понять – чего именно. Потом, когда уже нашла, я поняла, что все время искала «неведомого Бога»,⁶ про Которого тогда не от кого было услышать. А если не знаешь, чего ищешь, то как искать?

Свои поиски я обозначала тогда примерно так: хочу свободы. Но не диссидентской, как тогда было принято, а какой-то настоящей, безыдейной. Я часто ездила в Прибалтику, на Западную Украину – благо границ между «братскими республиками» не существовало. В советские времена казалось – там свобода! Там почти заграница! Там на домах не висели лозунги: «Коммунизм – есть Советская власть плюс электрификация всей страны», «Решения съезда партии – в жизнь!», «Экономика должна быть экономной», «Народ и партия едины». Поэтому мне казалось, что там нет ни «марксистско-ленинской философии», ни

---

⁵ Лк. 18:27.

⁶ «...Став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святины, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:22–23).

«научного коммунизма», там люди просто живут и работают, у них чисто, спокойно и красиво. Что человеку еще нужно?!

Два студенческих лета я работала в стройотряде проводников – ездили на Кавказ, в Крым, в Москву. Работа эта мне очень нравилась. В поезде готова была ехать хоть на край света, так все было интересно... В молодости можно было по три ночи не спать – и ничего! Сколько людей было встречено, сколько всего переговорено, сколько глупостей совершено... Наверно, это тоже была подготовка к писательскому служению, о котором я никогда даже не помышляла; один Бог знал, как этот жизненный опыт мне пригодится впоследствии. Деньги, заработанные в веселую студенческую пору собственным трудом, тоже дорогого стоили.

Начинался учебный год, и свобода передвижений резко сокращалась. Да и денег на поездки особенно не было. Свою стипендию по требованию родителей мне приходилось отдавать им. Сколько злости это вызывало у меня, ведь родители в деньгах совсем не нуждались... На карманные расходы мне оставляли десять рублей. Эта, как тогда казалось, несправедливость стала причиной моего желания устроиться на работу. Я не собиралась отказываться от путешествий: в каникулы куда-нибудь подальше, а по выходным частенько – километров за сто – двести от родного города. Обучаясь на дневном, подработку найти было трудно. Тогда это вообще было не принято, во всяком случае, молодым людям моего круга, у которых были «приличные» родители. Перечень подработок, о которых я знала, был невелик: уборщица в подъезде, грузчик и, собственно, все. Однажды на воротах университета я увидела объявление: требуются гардеробщицы в здание радиофака, и в тот же день пошла узнавать об условиях. Меня взяли на полставки – подавать пальто таким же, как я, студентам в соседнем корпусе. Когда меня узнавали свои, говорила, что «ведется эксперимент». Продлился он всего месяца два. Трудиться надо было раз в неделю, но в течение всего дня, так что приходилось пропускать занятия. И потом – не могла я не думать о престиже номенклатурного своего отца. Если кто-нибудь из его знакомых увидел бы меня в гардеробе радиофака, думаю, они бы не поняли моего безумного порыва... В общем с гардеробщицей не получилось.

Недалеко от моего дома было художественное училище, чуть подальше – университетская библиотека. Шла я, конечно, в библиотеку – на носу была курсовая, сделанная только наполовину. Вдруг бросилось мне в глаза объявление, написанное большими печатными буквами: требуется натурщица. Чуть ниже приписка: рубль в час. Я остановилась у дверей училища. Академический час – это сорок пять минут. Стало быть, за три часа реального времени можно получить целых четыре рубля. Замечу, что бутылка кефира тогда стоила двадцать восемь копеек. Ничего себе зарплата... Почти как у отца, который руководил большим научно-исследовательским институтом.

Заметив, что я замедлила шаг, меня стеной окружила молодежь, всегда толкавшаяся у входа в училище. Но в тот день молодежи было слишком много.

– Девушка, девушка, айда к нам в натурщицы, – захоравливали меня будущие художники. – У нас натурщица померла.

– Чокнутые, что ли? – огрызнулась я и ускорила шаг.

– Правда! У нас уроки срываются. Натурщицы нет... – неслось мне вслед.

В библиотеке я работать не могла: голове не давало покоя заманчивое словосочетание «четыре рубля». А за неделю двадцать рубчиков накапает. Можно будет съездить в Бухару и Самарканд, джинсы вельветовые у фарцы взять... Но не пострадает ли мой моральный облик – там поди голой надо стоять... А почему натурщица умерла? От страха или от стыда? В моем воображении вставал образ натурщицы, созданный по мотивам прочитанных книг: это или любовница великого художника, или падшая женщина. Я не была ни той, ни другой. Но

все равно интересно... Через час назойливые мысли заставили меня сдать книги и покинуть стены фундаментальной библиотеки.

На обратном пути я заметила, как юные художественные дарования у дверей училища пристают к прохожей. Та оказалась не робкого десятка, треснула по чьей-то голове сумочкой, пошла дальше. Настал мой черед, я не успела увернуться. Юнцы подскочили, снова сомкнулись вокруг стеной – ни пройти, ни проехать – и загалдели свое, поэтическое:

– Девушка, вы вернулись? О, счастье! К нам, бедным сиротам. Спасибо, спасибо! Вы гений чистой красоты!

– Брысь! – откликнулась я.

В этот момент в дверях училища показался импозантный дядя.

– Иван Всеволодыч! Вот, девушка хорошая... хочет к нам, – затараторили будущие художники. – Поговорите с ней!

Мужчина окинул меня заинтересованным взглядом.

– Ну что ж, пройдемте... – сказал он и галантно взял меня под руку.

Это была секунда, которая, может, перевернула всю мою дальнейшую судьбу. Взыграл во мне авантюристический мой дух, послала я куда подальше ленинскую идеологию с «тремя источниками и составными частями марксизма», вспомнила про Марксов «Капитал» и ринулась в капиталистки... Тогда это было ругательное слово.

Иван Всеволодович оказался деканом. В кабинете с белыми гипсовыми головами он спросил:

– Чем занимаетесь?

– Учусь...

– Угу... – задумался он. – На промэке?

– На промэке, – согласилась я.

На промышленно-экономическом факультете, на промэке, универа учились, как считалось, девушки красивые, в основном блондинки... то есть недалекие девицы, которые, однако, хотят выйти замуж за хорошего парня.

– Ну что ж... Сможете два раза в неделю по четыре часа?

Я молчала, потому что настроилась на ежедневный труд – за двадцать рублей.

– Нет, но если будет трудно, мы сократим, – стал уговаривать декан. – Понимаете, мы так нуждаемся в натурщицах, у нас только старые бабушки, профессионалки, которые начинали еще при царе Горохе. И вот одна умерла вчера... А таких свежих приятных лиц – днем с огнем...

– Почему же к вам не идут? – удивилась я.

– Не знаю, – ответил декан. Прищурился и добавил: – Несвободные люди у нас. Советские...

– То есть, я не советская...

– Что вы, что вы, я не это хотел сказать... – Он замахал руками. – Даже не знаю, что ответить. Не идут, и все! Не покидайте нас, прошу, Наташа... Рубль в час, хотя бабушкам по семьдесят копеек платим. Не бойтесь, на ваш промэк не сообщим.

– Надеюсь... Только раздеваться я не буду, – твердо сказала я.

– Нет-нет, голая натура – это совсем другие расценки. Мы вас в исторический костюм нарядим, – прищурился декан, разглядывая меня. – А можете прямо сейчас? Осталось полтора часа, запишем вам полный день.

– Четыре рубля?

– Да-да-да! – Он открыл дверь кабинета и крикнул: – Евстигнея, бегом!

Будь я маленькой девочкой – это был бы самый счастливый день моей жизни – одели меня так же нелепо, как рисуют принцесс эти самые маленькие девочки. В примерочной

Евстигней подобрала какой-то очень сложный костюм, к которому полагался головной убор с пером. Кажется, убор был мужского рода. В таком виде я зашла в класс. Юнцы ахнули.

Дело, оказывается, было не в самом наряде, а в игре красок, света и тени, золота и серебряной парчи. Старшекурсники писали меня маслом.

Что касается самой работы... Я быстро поняла, почему в натурщицы народ не рвался. Помимо всего прочего, простоять в течение четырех академических часов застывшей в одной позе – это не каждому под силу. Перерывы, конечно, были – три по пять минут. Преподаватель живописи, увидев меня, долго придумывал позу и на радостях придумал стоять, склонившись в глубоком реверансе.

Через пару недель я зашла в кабинет декана и сказала, что не могу работать. Иван Всеволодович подумал, наверно, что я шантажирую его и ответил со строгостью:

– Но больше рубля мы не можем платить. Аппетит приходит во время еды, да?

– Нет. Спина разламывается. Мне это надо? – с обидой произнесла я. – От вашего дурацкого реверанса скоро сломаюсь напополам.

– Какого реверанса? – не понял декан.

Я показала – какого...

– Это ты так четыре часа стояла? – удивился он.

– Как поставили, так и стояла, – с обидой ответила я.

– Ну, Николай Викентийч, живописец ты наш, обрадовался... придумал фигуру из трех пальцев, – смягчился декан и даже пропел. – Вжик, вжик, вжик, уноси готовенького! Чуть девочку не угробил. Так ты у нас достояние республики.

– Да ладно... – смутилась я.

– Мы ему попеем... Этому ужасному Николаю Викентьевичу! Обязательно. Ну-ка встань в четвертую позицию.

Я встала: стопы на расстоянии развернуты в разные стороны, параллельно друг другу, руки: правая отведена в сторону, левая вверх.

– Ишь ты! – удивился декан. – Балетом, что ли, занималась?

– Ага, в детстве, четыре года. Даже балериной хотела стать.

– А потом?

– Потом раздумала. Решила податься в геологи, – сказала я и пропела: – «Ты уехала в знойные степи, я ушел на разведку в тайгу...»

– Понятно. Ветер в голове... Удобно так стоять? – спросил он.

– Терпимо...

– А теперь, значит, на промэке учишься.

– На промэке, – подтвердила я.

– Далеко пойдешь, – почему-то сказал декан. – На нашем четвертом курсе будешь теперь работать.

– А как же мои ребята, они уже начали писать...

– Как начали, так и закончат, – он внимательно глянул на меня. – Рано им еще таких красавиц рисовать.

Сердце мое упало: теперь начнет приставать...

– Я пошла?

– Давай! – махнул рукой декан и сразу забыл обо мне, набрал номер телефона, заговорил о каких-то делах... – Ты еще здесь? – повернулся ко мне. – Марш отсюда, чего подслушиваешь?..

Я вышла из кабинета и передразнила его: «На промэке, на промэке...» Да на промэке девицы по три часа могут только глаза красить.

Так я, советская студентка мехмата, стала натурщицей. Между прочим, любимой... Но не отдельным великим художником, а целой полусотней начинающих дарований. Не смешно

ли? Преподаватели стали ставить меня в пример нерадивым студентам: какая я ответственная, занятий не пропускаю, прихожу вовремя, поблажек себе не даю, мол, устала или надоело, хотя такая же молодая, как и они, и тоже, наверно, хочется погулять.

– Да она больная на голову, – однажды высказался один кандидат на вылет из училища. – Все при ней, а она дурью мается. Потому что замуж никто не берет!

Реакция последовала незамедлительно. «Кандидата» вытолкали из класса и не пускали до тех пор, пока тот не извинился передо мной. Счастливого было время... Студенты училища воспринимали мою красоту как категорию эстетическую, идеальную, то есть как источник чистого вдохновения.

Мне и до этого говорили, что я красивая, в меня влюблялись, это был известный факт. Но верно подмечено: не родись красивой, родись счастливой. «Кандидат» в принципе был прав. Многие мои однокурсницы, особенно приехавшие из деревни, уже выскочили замуж, а меня никто не брал. И мои путешествия, по правде, были в какой-то степени поисками не только свободы, но и «принца на белом коне». Может, моя планка была слишком высока... Но кто внушил мне ее? Кто заставлял искать какого-то неведомого идеального Жениха? Искать и найти...

На «живописи» или «рисунке» я, что называется, разинув уши вслушивалась в замечания преподавателей, вникала в их умные учительные мысли, в перерывах подходила к мольбертам и искала в изображениях те ошибки, которые они критиковали. Мне все нравилось, казалось, что все рисуют или пишут прекрасно. Стало даже как-то обидно, что я совсем, ну совсем не могу рисовать. Почему такая несправедливость на свете...

У меня вдруг появился интерес к жизни известных художников. До того я читала только проверенную литературную классику, теперь в фундаментальной библиотеке помимо спецлитературы стала выписывать жизнеописания великих; эти книги выдавали только в читалку. Стало некогда писать курсовые... Но все-таки я сдавала их в срок... У нашего воспитанного при советской власти поколения, как ни странно, оставалось понятие долга.

Работа натурщицей – это была моя тайна, о которой не знал никто, кроме моей близкой подруги. Родители думали, что у меня наконец появился молодой человек – где еще можно было пропадать целыми вечерами? Весь второй семестр предпоследнего курса я приходила домой очень поздно и валилась с ног от усталости. Утром и днем – универ, вечером – училище. Домашние задания списывала – не было времени их делать, да и как-то стал гаснуть интерес к избранной профессии математика. Я не понимала, почему...

Представилось вдруг, что встречу какого-нибудь художественного гения – мало ли? И стану его музой. Лети в тартарары мое инженерное будущее. Ради искусства не жалко. Тяжелое дело стоять в застывшей позе три часа, да еще концентрировать взгляд в одной точке. Все это время надо было занимать еще и мозги: невозможно же три часа ни о чем не думать. Вот, видимо, тогда я и додумалась до этой самой музыки гения. Но где я его встречу?.. Может, кто-то порекомендует ему меня, как хорошую добросовестную натурщицу, а может, он заглянет на урок живописи, а там я стою... В сущности, в голове был сплошной мусор. Но есть же хоть миллионная вероятность такой встречи. По теории вероятности. Это наука, которую изучали на мехмате: она позволяет по вероятностям одних случайных событий находить вероятности других случайных событий, связанных каким-либо образом с первыми. Случайно я попала в училище, значит, это как-то связано со случайными событиями дальнейшей моей судьбы...

«Отстояв» на подиуме два месяца, я устала до изнеможения. Не за горами была летняя сессия, и так хотелось уже оставить свой тяжелый физический труд, и только эта самая миллионная вероятность не давала мне покоя. Если я уйду, может, пропущу свой шанс удивительной встречи?..

Однажды декан поймал меня в коридоре и как-то загадочно попросил:

– Зайди, пожалуйста, в кабинет.

У меня упало сердце: одно из двух. Либо собирается выгнать, что тоже неплохо. Либо тот самый шанс...

Еле дождавшись звонка на перемену, перескакивая через лестничные ступени, я помчалась наверх.

– Можно? – постучала в дверь. – Мэй ай кам ин?

– Камин, камин, – разрешил декан и посмотрел на часы. – Так, у нас пять минут. Мы предлагаем тебе два рубля в час за обнаженку. Это в два раза больше обычной расценки. Второй курс умоляет. Поставим тебя спиной. Со спины ты тоже ничего...

– Да вы что! – взвилась я.

– Что? – в тон мне ответил декан. – Я тебя убиваю? Граблю? Заставляю идти на панель? Скоро учебный год кончится. А у ребят так и не случилось обнаженки. Потому что демонстратор пластических поз умер и нечем заменить. Иди, пожалуйста, подумай... Ничего особенного в этом нет. Поверь. Я обещаю, что ни один посторонний человек в класс не войдет! Будешь замерзать, рефлектор поставим. Ну? Жду после уроков.

– У меня тоже сессия на носу, – почему-то ответила я.

– Снимем с живописи на третьем курсе, – спешно стал придумывать декан. – Мы тебя посадим и дадим книгу в руки. Можешь готовиться к экзаменам.

– А кто такой демонстратор пластических поз? – спросила я.

– Натурщик. Но это по-научному, не каждому понять. А тебя, между прочим, все ребята любят.

– И как же я перед ними буду голой стоять?

– Знаешь, как у нас шутят? Кто пытается поступить в институт ради удовольствия посмотреть на обнаженное тело, отсеивается еще во время творческого конкурса. Уговорил? – улыбнулся декан.

– Нет.

– Ну хорошо. Я тебе скажу из собственного опыта. Во время сеанса думаешь о том, как падает свет и ложатся тени на тело натурщика, а не о каких-то его физических достоинствах и недостатках. Но это если настоящий художник. Как думает ненастоящий, честно, я не знаю.

– А вы что, художник?

В это время зазвучал пронзительный звонок на занятия. Показалось, что рядом с кабинетом декана завывала сирена.

– Беги... Потом зайдешь.

На занятии я собирала свои разбежавшиеся в разные стороны мысли. Мне то и дело делали замечания, что «теряю позу». Решили, что влюбилась.

– Ну, теперь Натахе ее кадр запретит к нам ходить... – вздохнул кто-то.

– Морду набьем, – пообещал другой.

После занятий я побрела наверх, к декану. Надо было решать проблему, иначе она не дала бы мне покоя еще несколько дней.

– Камин, камин, – услышала я. – Заходи быстрее, некогда.

Я вошла в кабинет, понуро опустила голову, как нашкодившая институтка.

– Так на чем мы остановились? – деловито спросил декан.

– Вы художник? – спросила я равнодушно.

– А ты что, не знала?

– Да как-то не думала на эту тему.

– Художник, – подтвердил он и с каким-то тайным умыслом добавил: – Сразу видно, что ты ничем не интересуешься на своем промэке. У меня только что закончилась персональная выставка, афиши по всему городу висели.

– Я не буду голой позировать.

– А я уже сказал Валентине Сергеевне, что будешь.

- Какой Валентине Сергеевне? – насторожилась я.
- Твоей бывшей классной руководительнице в школе.
- Что? – ужаснулась я. – Я вас просила? Вы же обещали...

Мне захотелось снять с полки гипсовый бюст Сократа и разбить его о предательскую голову.

- Да не переживай ты... Муж Валечки художник, знаешь ведь? Мой однокурсник.
- И что? – вскрикнула я. – Что сказала Валентина Сергеевна?
- Что ты умная девочка... трудолюбивая, с изюминкой и сама все правильно решишь.
- С изюминкой? – Никогда никакой изюминки в себе не чувствовала и ни от кого о ней не слышала. – Зачем обманываете?
- Нет, это ты врешь, – улыбнулся декан.
- Я? Вру?
- Ты же на мехмате учишься...
- И что? – Похолодело у меня внутри. – Сообщите в деканат?
- А ты разве комсомолка? – Сделал удивленное лицо декан.
- Взносы плачу, – с вызовом ответила я.
- Это правильно... Но в коммунисты не рвешься?.. Тогда какой смысл сообщать? – засмеялся он.

Я не понимала, зачем он все это мне говорил, на что-то намекал, выведывал, подстрекал, провоцировал.

– Следующий номер программы: советские римские гладиаторы, – сказала я любимую фразу из кинофильма «Цирк». – Простите, но я пойду, – повернулась я к двери.

– Не буду тебя уговаривать, решай сама, – сказал вслед декан. – Кто сам себе дорогу пробивает, из таких что-то получается. Двадцать лет деканом здесь служу... Видел многих. Книжку вот возьми, на досуге почитай... Надеюсь, не заиграешь.

Книжица небольшого формата называлась примерно так: «Обнаженная натура в искусстве», дореволюционного издания. Картинок было мало, все они были целомудренно мелкими. В сущности, ничего особенного. Красивые обнаженные тела, написанные в разные эпохи разными художниками. Тем не менее подумалось, что получить и такую «порнографическую» книжицу из фондов фундаментальной библиотеки можно было не иначе как с разрешения директора по предъявлении запроса с круглой печатью. Это, конечно, был очередной упрек советской власти. Прошло всего лет сорок, и упрек перекалифицировался в ностальгию по прежним неиспорченным нравам...

Во времена моего студенчества книги дореволюционного издания для обычного советского человека были недоступной роскошью. То, что декан дал мне на руки «запрещенную литературу», свидетельствовало о величайшем ко мне доверии, что, конечно, льстило самолюбию. Возможно, именно это повлияло на мое решение, но, может, и сказанное в книжице. В сущности, с ее утверждениями я была согласна. Написанное до революции, пиши – запретное – казалось неоспоримой истиной, значит, истиной вдвойне. Книжицу написал человек, делавший упрек христианству, – таковых перед Октябрьским переворотом было пруд пруди. По полному неведению я не только с ним согласилась, но даже была возмущена «варварством» христиан, о котором, например, писал скульптор и ювелир эпохи Возрождения итальянец Гиберти: «Во времена императора Константина и папы Сильвестра взяла верх христианская вера. Идолопоклонство подверглось величайшим гонениям, все статуи и картины самого совершенства были разбиты и уничтожены. Так вместе со статуями и картинами погибли свитки и записи, чертежи и правила, которые давали наставления столь возвышенному и тонкому искусству». Трудно тогда было отделить зерна от плевел – христианства и истории искусств я не знала. Слава Богу, что столь категорические выводы о христианстве не легли в основание моего формирующегося мировоззрения. У меня было личное кредо:

«если чего-то не знаешь на отлично, не делай выводов». Я и не делала, приняла к сведению. Книжица гласила, что в эпоху Средневековья достижения реалистического искусства были преданы забвению и художники уже не знали принципов построения изображения на плоскости, которыми пользовались великие мастера Древней Греции, методики обучения рисовальщиков и живописцев были потеряны, погибли многие прославленные произведения, могущие служить образцами... Но, несмотря на эту катастрофу, наступила эпоха Возрождения. На каком основании? Почему?.. Наверное, так решил Рулевой... Вот и сейчас, соцреализм⁷ уже всех достал, хочется чего-нибудь поинтересней и повеселее в искусстве. А если студенты художественных вузов будут рисовать только голых семидесятилетних бабушек, то он, этот соцреализм, никогда не кончится. Бабушки умрут, а он – нет, ужаснулась я.

Декан в целом оказался хорошим физиономистом, книжицу я поняла в нужном направлении. И решилась на обнаженку исключительно из идейных соображений, потому что была готова участвовать в событиях, приближающих новую эпоху Возрождения – эпоху свободы и красоты. Тогда я была уверена, что можно приблизить эту эпоху собственными усилиями и что свобода и красота – это безусловные ценности. Не знала я еще евангельских истин: «Если пребудете в слове Моем... познаете истину, и истина сделает вас свободными»,⁸ «Где Дух Господень, там свобода»,⁹ «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете».¹⁰

Когда я шла на первый сеанс, меня подташнивало, подмышки были липкими и мокрыми от пота. Я уговаривала себя: ведь и студенты-медики осматривают голых пациентов во время врачебной практики – и ничего, никто не считает эту ситуацию аморальной...

Перед сеансом декан зашел в мастерскую и строго предупредил:

– Узнаю, что кто-нибудь хамит, отчислю невзирая...

Решиться надо было только на первый шаг – сказать себе: «Вперед, в неизвестное», взойти на подиум, сбросить халат и замереть. И удивительно – стены не рухнули. Работа пошла. На занятиях в мастерской стояла такая тишина, что среди сосредоточенного сопения было слышно лишь чирканье карандашей о ватман.

Декан после той первой, дореволюционной книжицы стал давать мне другие книги по искусству, которые я «проглатывала» как романы, не все и не каждый раз понимая, почему так, а не иначе. Постепенно передо мной приоткрылась завеса иного мира – мира художественных образов. Они составляли отдельную вселенную. Ее законы, как мне казалось, были в корне отличны от постулатов знакомого мне мира – мира ясных формул и логических построений. Я была сбита с толку, растеряна, но terra incognita манила меня. Робко, не веря в успех, я стала мечтать о том, чтобы узнать законы новой вселенной, которая была не здесь и не там, а в голове или – в уме, а может, в сердце, Бог знает. Это была прививка будущего моего писательства...

И вот что еще... Когда я уже стала регулярно ходить в храм, выстаивать службы порой было очень трудно – казалось, что сейчас подкосятся ноги, спина переломится, упаду от духоты в обморок... Но в самые отчаянные моменты я вспоминала свое трехчасовое и более «стояние» на подиуме и стыдила себя: «Ради денег могла все вытерпеть, а ради Бога – слабо...» Так и переломила все эти «не могу».

---

⁷ «Социалистический реализм является глубоко жизненным, научным и самым передовым художественным методом, развившимся в результате успехов социалистического строительства и воспитания советских людей в духе коммунизма. Принципы социалистического реализма... явились дальнейшим развитием ленинского учения о партийности литературы». БСЭ, 1947 г.

⁸ Ин. 8:31–32.

⁹ 2 Кор. 3:17.

¹⁰ Ин. 8:36.

Ассоль

Деньги, заработанные в художественном училище, я не потратила, как хотела, на поездку в Самарканд. Стало почему-то жалко, решила копить.

На моем последнем, пятом курсе мехмата занятий стало меньше. Факультет гудел разговорами о предстоящем дипломе: кто руководитель, какая тема, в каком институте пристроиться поработать на ЭВМ, на каком языке писать программу – на Алголе или Фортране? Куда распределяться после университета? Я тоже решала все эти насущные проблемы и... продолжала подрабатывать натурщицей «в штатном режиме»: кто бы только знал...

В училище я часто приходила с пачками перфокарт, потому что между делом бегала на физфак, где располагалась ЭВМ, на которой строго по расписанию «прогоняла» свою дипломную программу. Программа была записана на этих самых пачках бумажных перфокарт – то была эпоха каменного века программирования, случившаяся всего-то лет тридцать – сорок назад. Художники в конце концов разгадали, что я учусь на отделении прикладной математики мехмата – самой модной и перспективной специальности, за которой многие прочили большое будущее; оно и наступило – в виде нашествия современных бытовых компьютеров, ноутбуков, нетбуков, планшетов и прочая. Для одаренной художественным талантом молодежи я тогда, можно сказать, была живым «гостем из будущего», зарождающегося мира компьютерной техники; о головокружительной перспективе развития этой техники и ее зомбирования на души населения даже в научной фантастике прозрения были весьма робкими. Некоторые из моих рисовальщиков проявляли искреннюю заинтересованность к моей будущей профессии и на переменах просили что-нибудь рассказать.

Я и рассказывала, популяризируя свои студенческие знания, например, о БЭСМ-4, на которой «просчитывала свой диплом». Советская большая электронно-счетная машина, БЭСМ-4, второго поколения, на полупроводниковых транзисторах, считала с огромной скоростью – двадцать тысяч операций в секунду. В повести «Понедельник начинается в субботу», которую написали основатели советской научной фантастики братья Стругацкие, главный герой программист Привалов видит во сне БЭСМ с панелью управления цвета заварного крема, а это тебе – не фунт изюма, это многозначительный намек на важнейшие успехи современной научной мысли.

А еще группа ученых создала математическую модель движения кошки. Машина БЭСМ-4, выполняя написанную программу решения дифференциальных уравнений, нарисовала – вот как высоко взлетела человеческая мысль – минутный мультфильм «Кошечка», который удивительно правильно воссоздал движения кошки. И уже вовсю выпускают новую модификацию БЭСМ, супер-ЭВМ БЭСМ-6, которая, как считалось, является самой быстрой не только в СССР, но и в Европе, производя до миллиона – целого миллиона! – операций в секунду. Этакое чудо вместе с вентиляторами и другими подсобными механизмами занимало площадь... всего 150 квадратных метров.

И наконец, самые последние, свежие новости 1975 года были таковы: модернизированная БЭСМ-6 в составе вычислительного комплекса обрабатывала данные траектории полета космического корабля «Союз – Аполлон» за 1 минуту, в то время как американская сторона на такой расчет тратила 30 минут.

Рассказывала, видимо, я увлекательно, завораживая художников спецтерминами: они прочили мне большое преподавательское и инженерное будущее. Но я не оправдала этих надежд и с дистанции сошла...

Причина на первый взгляд была самая ничтожная – телефонный звонок незнакомца, но из нее, как из малюсенького горчичного зерна, выросла необходимость заняться совершенно другим делом. Подобных малюсеньких «случайностей», круто менявших линию

моей жизни, было несколько. Только через много лет их совершенно хаотическое на первый взгляд нагромождение удалось выстроить в стройную линию жизни, которую только и может сотворить Промысл Божий. И чудо, что мне, заблудшей Божьей овечке, в полнейшей какофонии разнообразнейших влияний удавалось услышать зов Пастыря, еще не зная Его.

Но поначалу жизнь всколыхнулась так, что все стало мутно и совершенно непонятно.

Однажды мне позвонили. Бархатный мужской голос спросил:

– Здравствуйте, это Наташа?

У меня замерло сердце. Это он, тот самый художественный гений...

– Здравствуйте, это она... – спокойно ответила я.

– Дело в том... что мне порекомендовали вас как прекрасную натурщицу... Иван Всеволодович... декан...

Я молчала. Вдруг стало обидно, что меня, студентку, почти отличницу мехмата, а также «комсомолку, спортсменку, наконец, просто красавицу», как говорил товарищ Саахов, порекомендовали «как прекрасную натурщицу».

– Что-то не так? – интеллигентно переспросил незнакомый голос.

– А вы кто?

– Член Союза художников, только не смейтесь, Иван Андреевич...

– Крылов, что ли?

– Так точно... – засмеялся голос.

– Нет, правда?

– Собственной персоной. Я бы желал славы баснописца, но довольствуюсь лаврами провинциального живописца.

– Видела ваши выставочные плакаты. Мы еще с девчонками смеялись. И. А. Крылов – живописец. Это не псевдоним?

– Нет, с вашего позволения.

– А почему вы фамилию не меняете?

– Насколько мне известно, подобное делают женщины, выходя замуж, – мягко ответил на мою дерзость голос.

– Какой у вас тариф? – спросила я деловито.

– А давайте мы с вами встретимся и все обсудим... Моя мастерская недалеко от вашего дома.

Меня распирало от любопытства, каков он, этот И. А. Крылов?

Мастерская находилась в огромной коммунальной квартире старинного дома на главной улице города. Я жила в отдельной квартире чуть-чуть поменьше на той же улице и понятия не имела, что существуют подобные трущобы. Пока мы дошли до нужной комнаты, пришлось миновать множество закоулков, пройти зигзагом, споткнуться о чужой велосипед и вообще – мне стало жутко. Куда меня опять несет?

Комната была средней величины, с выщербленным паркетом на полу, с грязно-серым потолком с обвалившейся лепниной. Обои были тоже не первой свежести, но их хотя бы завелили картинами... Заметила и несколько ню – «обнаженок», написанных, кажется, с одной и той же натуры. На самодельных деревянных полках лепились всяческие художественные предметы, в беспорядке лежали разнообразнейшие краски – в тюбиках, баночках, каких-то железячках. Кистей была тоже уйма... Посредине комнаты стоял мольберт. Меня смутил разложенный диван с постельными принадлежностями, я глянула на него вопросительно, и Иван Андреевич пояснил:

– Видите ли, дружок, я здесь и живу с женой...

Вот те раз... Совсем не так представляла я себе жилище известного в городе художника. Как можно брать с него деньги, он же нищий... Мне стало не по себе. Сразу вспомнилось из выдолбленного почти наизусть «Золотого тельца»: «Между тем обитатели большой

коммунальной квартиры номер три, в которой обитал Лоханкин, считались людьми своенравными и известны были всему дому частыми скандалами и тяжелыми склоками. Квартиру номер три прозвали даже Вороньей слободкой. Я не представляла, что на центральной улице большого областного города СССР существует подобная Воронья слободка. И хотя склок и скандалов было не слышно, однако номер квартиры был тоже три...

– Присаживайтесь, дружок, вот в это кресло, – предложил художник. – Небольшой беспорядок. Но это не мешает работе.

Кресло жалостливо скрипнуло, лишь только я аккуратно присела на край.

– А вы знаете, настоящий-то Крылов был большой весельчак, – попытался замять неловкость художник. – Знаете? Однажды, когда он слушал в театре оперу, его соседом оказался какой-то меломан. Он притопывал в такт музыке, подпевал певцам, одним словом, мешал. «Безобразие!» – громко сказал Крылов. «Это вы мне?» – спросил сосед. «Ну как вы могли такое подумать!» – ответил ему Крылов. – Это относится к тому господину на сцене, который мешает мне слушать вас».

– Смешно, – согласилась я. – Но, наверно, пойду... Я все-таки не натурщица, это так как-то все случилось... случайно.

– У каждой случайности есть своя цель, у каждого случая есть свой смысл... Никогда не задумывались? – тормозил меня художник.

– Ну... не знаю. Мало было случаев, чтобы выводить закон...

– Это да... молодость. Начинайте отсчет.

– Хорошо, – поднялась я со скрипучего кресла. – Вижу, у вас есть натурщица для обнаженки, а у меня совсем нет времени, диплом пишу. Простите за беспокойство.

– Да, для обнаженки, как вы выразились, позирует мне жена, моя муза... Знаете, у Ахматовой?

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я!»

– Хорошее стихотворение. Я вообще стихи не люблю. Только вот такие – где смысл сразу проглядывается. Четко, ясно и понятно.

– Это от вашего логического склада ума.

– Да, на мехмате учусь, ничего удивительного, – продолжала я дерзить.

– Стихотворение действительно с глубоким смыслом. Оно понятно людям творческим – тем, кто всегда ждет эту самую музу. А кто не ждет... Про Ахматову в недалекие годы говорили, что она выражает вкусы салонной поэзии, которое есть аристократическое эстетство и декаданс, «искусство ради искусства». И ее пустое и безыдейное творчество чуждо нашему народу.

– Не слышала... Не проходили в школе, – отрезала я, потому что смысл произнесенных слов был мне непонятен.

Я не знала ни про декаданс, ни про аристократическое эстетство. Я вообще не слышала про Анну Ахматову.

Меня вдруг пронзила мысль: если сейчас уйду, то так никогда и не узнаю ничего сверх «школьной программы» и уткнусь в какой-то пошлый тупик, где бесконечно прокручива-

ются одни и те же темы: работа, которая не волк, в лес не убежит, «почтовый ящик», где хорошие продуктовые наборы, женихи и любовники, блат, соцсоревнование, «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», «Голубой огонек», Муслим Магомаев, ширпотреб, фарца, югославские сапоги, «Levis», «Wrangler», Первомай, электричка в Москву за продуктами (что это? длинная, зеленая, пахнет колбасой), «Yesterday, all my troubles seemed so far away», хотя «Битлы», конечно, были тогда настоящей отдушиной... «Битлы» стали моим кумиром, под их музыку еще в школе я делала уроки – по той причине, что имела катушечный магнитофон, привезенный отцом из командировки в Японию. Не то что японский, советский «бобинник» был пределом мечтаний молодежи «периода застоя» развитого социализма. Этой культовой мечты в силу обстоятельств у меня даже не возникало. И возможно, именно поэтому в голове освободилось место для «мечт» иных.

– В последнее время, сударыня, я занимаюсь иллюстрацией книг, – прервал тягостную паузу художник. – Дали мне на выбор шагиняновские «Четыре урока у Ленина» и гриновские «Алые паруса». И что же, как вы думаете, я выбрал?

– Наверно... – задумалась я. – Не деньги.

– Именно! – рассмеялся художник. – Но от качества моих иллюстраций все же зависит гонорар. Чем лучше иллюстрации, тем больше тираж. Вот такая арифметика.

Я плюхнулась в скрипучее кресло.

– От меня-то что зависит? – удивилась я.

– От вас, дружочек. Хм... Как бы это сказать. Вы вообще-то знакомы с творчеством Грина?

– Так... – неопределенно пожала я плечами. – Не люблю «туманны дали, романтические розы»...

– Это сказка, романтическая сказка о чистоте и глубине человеческих чувств, об идеале... И о том, что нужно верить в свою главную мечту.

– В принца, что ли? Который приплывет под алыми парусами и заберет тебя неизвестно куда...

– Но принц не просто приплыл, понимаете, Наташенька? Ассоль жила без матери, в приморской деревушке. Ее отец, моряк в отставке, зарабатывал гроши, мастерил игрушечные кораблики. Тоже – мечтатель был... рассказывал ей о дальних странах. Девчушка встретила в лесу старика и услышала от него, что когда-нибудь за ней приедет прекрасный принц на корабле под алыми парусами. Эта чистая душа поверила старику и стала ждать принца. И хотя над ней смеялась вся деревня, в один прекрасный день ее мечта сбылась. Хочется добавить – назло злопыхателям.

– Я же говорю «туманны дали, романтические грезы». Так в жизни не бывает.

– В жизни всякое бывает. Так, мне кажется, думала Ассоль и поэтому достигла цели. – Художник взял планшет с листком бумаги с намерением рисовать. – Главное – не проглядеть поданный жизнью шанс, хвататься за него и верить в алые паруса!

– Вы думаете, что я Ассоль? Нет, нет, и нет... – замахала я руками. – Вам надо пригласить Анастасию Вертинскую, вот настоящая Ассоль.

– Очень хорошо сыграла, – согласился художник и начал делать с меня набросок. – Настоящий сказочный персонаж...

– Почему же сказочный?

– Режиссер Птушко – превосходнейший наш сказочник. Но, дружочек, у каждого свое видение героя... Хотелось бы ситуацию несколько приблизить к жизни. Это было бы очень интересно современному читателю.

– Здоровская идея! – воскликнула я.

– Рад, что поддерживаете, – внимательно посмотрел на меня художник. – Вы, сударыня, может, и проигрываете в телесной красоте Насте Вертинской, но, кажется, выигрываете в другом.

Подобными категориями я никогда не мыслила, ни с кем себя не сравнивала, считая это большой глупостью. Никому не завидовала. Но принца в тайне сердца все-таки ждала...

– И я еще не люблю, когда мне откровенно льстят, – сказала я.

– А когда не откровенно? – парировал он.

И мы весело засмеялись, стало вдруг легко и просто.

– Я так думаю, что вы именно тот персонаж. Послушайте. «В ней были две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной прекрасной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерица игрушки, другая – живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое. Она знала жизнь в пределах, поставленных ее опыту, но сверх общих явлений видела отраженный смысл иного порядка. Иногда – и это продолжалось ряд дней – она даже перерождалась; физическое противостояние жизни проваливалось, как тишина в ударе смычка, и все, что она видела, чем жила, что было вокруг, становилось кружевом тайн в образе повседневности. Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьезно высматривала корабль с Алыми парусами...»

– Туманны дали... – начала я.

– Не скажите, сударыня... – перебил он. – Мне кажется, у вас в голове уже завелись Алые паруса, которые унесут вас в иной мир.

– С принцем? – спросила я с усмешкой.

– Это не важно... Я вас только попрошу не очень двигать головой. Рисую, кажется, поймал.

– Меня?

– Ассоль. Вы разговаривайте, пожалуйста, только голову держите.

– Нет, ну мы же еще ни о чем не договорились.

Интересно было наблюдать за художником: он был похож на маховик, который раскручивался, раскручивался, раскрутился и понесся... строчить углем по бумаге.

– Наташенька, дружочек, голову склоните вправо. Левую руку положите на подлокотник... Мягче... Так, хорошо, спасибо. Спасибо Ивану Всеволодовичу. Мой ученик... Понял меня... Он вообще прекрасный педагог.

– Он что-то вам рассказывал про меня?

– Нет, в общем совсем немного. Это я ему рассказывал, какой вижу Ассоль.

– И какой?

– Живой! Свободной! С радостным внутренним миром. Без пошлости и жеманства. Принц с Алыми парусами – это только начало. Она и дальше будет всех заражать своим жизнелюбием, привлекать открытостью, распространять добро.

– И Иван Всеволодыч... решил, что я такая? Он совсем не понял. У меня нет никакой радости в душе. Только злость. Мне страшно за свое будущее, – из моих глаз покатались слезы.

– Так, так, так... А смахните-ка их ручкой. Так, задержитесь в такой позе. Очень изящно. У Ассоль все движения очень изящны, – разговаривал он сам с собой. – Уголь... Уголь кончился. Подождите, сейчас.

Художник вскочил, схватил с полки рисовальный уголь, прикрепил новый лист. Все это время я сидела в заданной позе, хотя щипало глаза – от потекшей туши.

– Вы, дружочек, наверное, думаете, что все остальные люди не злы и не страшатся за свое будущее. Это неправда. Все, все до единого – большие или маленькие злодеи, которые

боятся завтрашнего дня. Но только редко, кто в этом себе признается. Вы еще совсем не испорчены. Как вам удалось?

Это был риторический вопрос, на который можно было не отвечать, но меня понесло.

– Я не испорчена? – отняв руку от глаз, чуть не крикнула я. – А в натурщицы пойти – это называется не испорчена?

– О!.. Непорядок! – воскликнул художник, увидев черные потеки на щеках. – Надо срочно в уборную.

Он взял меня за руку и повел по закоулкам в туалет с текущим краном, облупленной зеленой краской и заткнутой за трубу газетой «Правда» вместо туалетной бумаги. Обратную дорогу в мастерскую мне пришлось искать самой. Не сразу – но нашла, по ошибке заглянув сначала в чужую комнату. В ней небритый мужичок, оседлав неустойчивую длинную лестницу, вешал люстру.

– О! – обрадовался он мне. – Девушка, подай кусачки, вон на столе... А то эта амбразурина рухнет.

Я засмеялась и подала, встав на стул.

– Может еще чего надо?

– Погоди, подашь лампочки.

Ни кто я, ни откуда, мужичка не заинтересовало. Он закрепил люстру, вкрутил лампочки, я зажгла свет.

– Ну, Люська, держись! Будешь теперь мне должна... Красота?

– Угу, – сказала я и пошла к двери.

– Требуется жертв?

Вопрос мужичка остался без ответа. Я отправилась искать мастерскую.

Художник сосредоточенно дорабатывал рисунок. Кажется, он не заметил, что вернулась натурщица. Я тихо села в кресло.

– К Венечке заходили? Дверь открыта, значит, трезвый.

– Я потерялась. А кто он? А Люську свою он не убьет?

– «О, свобода и равенство! О, братство и иждивенчество! О, сладость неподотчетности! О, блаженнейшее время в жизни моего народа – время от открытия и до закрытия магазинов!» – процитировал художник незнакомый мне тогда труд Ерофеева «Москва – Петушки». – Люська села.

– Куда? – не поняла я.

– В тюрьму. Будет нам пять лет относительного спокойствия.

– За что?

– Выпили. Она Венечку ножом пырнула, еле откачали, – просто, будто о чем-то обыденном, сказал художник.

– Как вы можете здесь работать... в этих условиях?..

– Вот – руками, – показал он. – Иногда головой.

– Я бы с ума сошла.

– Да нет, нервы у вас, дружочек, судя по всему, крепкие... Поиграют и вам на них. Будут и вам испытания, но все в свое время.

– Загадочно вы говорите... Зачем пугаете... Вы скоро закончите?

– Все! – Он оторвал взгляд от портрета и глянул с прищуром на натуру. – Премного вам благодарен. Дело двинулось. Что-то есть в вас загадочное, прав Иван Всеволодович.

– Да нет во мне ничего загадочного, хорошо маскируюсь. Скучно жить – вся загадка, – сказала я и поднялась из кресла. – Все есть – а скучно! Может, я и правда жду какого-то принца, но его же не будет! Откуда взяться принцу в СССР? Скучно, скучно, скучно...

Комок подкатил к горлу, я почти побежала к двери. Художник нагнал меня и вложил в руки трешку.

- Это за сеанс, сударыня. Я не бедный человек. Мы с Лерочкой покупаем квартиру...
- Не надо денег! – отмахнулась я.
- Нет уж. – Он сунул трешку в мой карман. – Запомните: каждая работа должна оплачиваться.
- Да никакая это не работа, – всхлипнула я. – Не программу на Фортране писать.
- Такое милое двадцатилетнее личико... – улыбнулся художник – Но оно не просто так милое. Оно – отражение, я уверен, милой многим души. Знаете, дружок, что у вас есть бессмертная душа?
- Скучно же жить вечно! – почти выкрикнула я. – Такое только в страшном сне может присниться! Нет уж, увольте!
- Я выскочила за дверь и понеслась зигзагами «Вороньей слободки». За мною гналось эхо его голоса:
- Я вам позвоню-ю-ю... Ско-о-оро...

Аннушка уже разлила масло

Меткий взгляд художника И. А. Крылова сразу обнаружил поселившиеся в моей голове Алые паруса – мечту, которой трудно было дать точное определение. Я и сама не понимала, чего хочу. Как в сказке: пойдешь туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Хотелось вырваться из плена повседневности в неведомое свободное плавание, найти принца на белом коне и неведомого Бога, зажечь как-то по-другому... Заслугу Крылова невозможно переоценить: он очистил мою мечту от розовой шелухи и добрался до самой сути. Он стал главным катализатором глобальных перемен в моей жизни: из математика предстояло переквалифицироваться в литератора. Если бы я знала, через какие испытания придется пройти, от чего отказаться, чем пожертвовать, ни за что не вступила бы на этот путь. Прекрасно, что мы не знаем своего будущего. Но наше будущее – это продолжение нашего прошлого, в котором есть семена того, о чем мы даже не подозреваем. *«Аннушка, уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила»*... Эту крылатую булгаковскую фразу применительно к моей жизни можно было перефразировать так: «она уже встретила с Крыловым».

Через неделю после нашей первой встречи я подумала, что Крылов просто надо мной посмеялся: Ассоль, Ассоль, съешь фасоль... Он не звонил. Недели через две позвонила его муза-жена:

– Наташа? – испуганным голосом спросила она.

– Да...

– Наташенька, звоню вам по поручению Ивана Андреевича... художника. Жена его, – сбивчиво говорила она.

– Лера?

– Да... У Иван Андреича инсульт, тяжелый. Как только заговорил, просил вас позвонить. Я так рада, что он вас вспомнил... Думали совсем... – она всхлинула.

– Какой ужас... Что-то надо? Я принесу. Где он лежит?

– Кефира принесите. Я с ним в палате все время, не могу выйти, – разрыдалась Лера и смогла назвать только номер больницы.

Так я подружилась с ними. Лера была лет на пятнадцать моложе Крылова, работала медсестрой. Близких у них не было, близкой стала я. Друг познается в жене... После развода Крылова с известной в городе профсоюзной дамой друзья взяли ее сторону. Он оставил первой жене с дочкой прекрасную квартиру, поэтому со своей музой ютился в мастерской. Об их преданной друг другу любви можно было бы написать целый роман, но мой рассказ не об этом.

Лера выхаживала своего Крылова тщательнейшим образом, терпела его раздражение, искала лекарства, надоедала знакомым докторам, при этом работала на двух ставках, бегала по квартирам делала больным уколы. Все деньги они потратили на отдельную квартиру. Перевозить туда было особенно нечего, кроме его картин. Я чем-то тоже помогла. Скорее всего тем, что стала почти родной для них. Врачи сказали, что Крылов не сможет больше рисовать, левая сторона оставалась парализованной. До середины лета мы балансировали между страхом и надеждой: известный художник не мог зажать в руке карандаш. Ради нас, «двух любимых девчонок», он стал потихоньку выкарабкиваться.

Наконец, Крылов приноровился держать в руке пастельные мелки. В его творчестве начался последний «жемчужный» период, который навеяла вермееровская «Девушка с жемчужной сережкой». Кроме натюрмортов, Ивану Андреевичу другие жанры были недоступны. Из подручного фарфора, фаянса, глиняных кувшинов, фруктов, овощей, бутылок он, сидя в инвалидной коляске, долго выстраивал на столе композиции и потом своей нетвердой рукой пытался запечатлеть игру света и цвета. Все это выходило в матово-эмалевой жем-

чужной гамме с яркими пятнами желтых и синих тонов – как у Вермеера... Мне не нравились холодные тона новых крыловских небольших натюрмортов: в молодости хочется ярких красок. Докторам, которые «вытянули с того света», Крылов подарил первые работы. Они отказывались верить, что это были постинсультные картины художника. Два-три старинных приятеля, приходившие к Крылову, говорили, что его живопись становится более созерцательной и изысканной. В этом смысле – это вершина.

Приятели были местными диссидентами: старые, как мне тогда казалось, мужчины, прекрасно образованные, которые жили тихо и замкнуто. Один из них, Феликс, работал интеллигентным водопроводчиком – ни дать, ни взять прообраз слесаря Гоши из еще не снятого фильма «Москва слезам не верит». В свой маленький кружок умные мужчины возраста Крылова – «за пятьдесят» приняли меня «как украшение». Вполне возможно. Но скорее всего им нравилось, что я слушала их разговоры, что называется, разинув уши, впитывала словно губка «неизвестное гуманитарное» парадоксов философии, истории, искусства. До болезни Крылова они не часто собирались вместе. Теперь положение обязывало – нельзя было оставлять художника одного. Лера очень радовалась приходу нашей компании, которой без боязни поручала заботу о муже, сама бегала по городу, зарабатывая на хлеб насущный. В шутку называя крыловские собеседования «моими университетами», в глубине души я сознавала: мне повезло... В свои двадцать два я еще пребывала, по определению И. А. Бунина, в том расцвете молодости, «когда кажется, что это время есть лишь начало чего-то бесконечного, что будет еще множество времен, событий, встреч, и все замечательных. Тогда кажется, что запас твоих душевных сил неисчерпаем. И только немногие не обманываются в таких чувствах, надеждах»... Таинственный мудрый Руководитель заранее сделал мне прививку против возможных будущих разочарований. Для того и устроил встречи нашего маленького философского кружка, продолжавшиеся в течение двух лет. Задушевные беседы взрослых серьезных мужчин сформировали во мне вмняемую – в отличие от советской – систему нравственных ценностей и убеждений, которых не смогли дать семья и школа. Их стержнем было христианское мироощущение. Эти принципы помогли выстоять в бурях житейского моря и в главном не изменились.

Были между мужчинами религиозные споры-разговоры, в которых мне трудно было взять чью-либо сторону. Феликс, как я поняла, был католиком. Его эрудиция поначалу тяжелым молотом вбивала меня в безнадegu. Он обладал невероятным количеством религиозной информации, которую обрушивал не только на меня, но, как я заметила, и на Крылова. Спорить с Феликсом было невозможно. Больной художник начинал злиться, будучи не в состоянии ответить ему. Постепенно я нащупала ту главную мысль, которую Феликс хотел внушить нашему кружку, и более всего – Крылову. Крылов не был крещен, и Феликс доказывал, что католичество – единственно «правильная» религия и именно ее надо исповедовать. Однажды Крылов даже крикнул ему: «Уходи!» Феликс остановился на полуслове, поднялся со стула, оделся у выхода, сказал нам: «прошу прощения» и ушел. Я не смела никого осуждать даже в мыслях. Все произошло внезапно, до слез жалко было обоим. Я не понимала, что делать, видела только, как покраснело лицо Крылова. Казалось, вот-вот с ним случится удар. Леры дома не было.

– Иван Андреевич, Иван Андреевич... Успокойтесь... Я вам сейчас таблетку... Водички...

– Наташенька, дружок, не уходите, – произнес он и просидел некоторое время молча. Когда успокоилось дыхание, выдавил из себя. – Не судите Феликса строго. Это нервы. Лагерный синдром.

– Лагерный синдром? – переспросила я.

– Мордовские лагеря. Пятьдесят восьмая статья: антисоветская пропаганда и агитация. Потом психушка...

Сердце ушло в пятки. Это признание мне тогда переварить было нелегко.

– Вы можете тоже больше не приходить сюда... – чуть волнуясь, сказал Крылов. – Возможно, за Феликсом до сих пор слежка. Он и с академиком Сахаровым знаком, знаете, который в Горьком в ссылке.

Я не могла даже представить, что попаду в такую ловушку. Анекдоты про советскую власть, всякие там догадки-разговорчики про удушенную свободу – это было, да. Но про то, что репрессии инакомыслящих в СССР никогда не прекращались, большинство советских людей достоверно не знали.

Внезапно я была поставлена перед настоящим, а не придуманным серьезным выбором, от которого, как оказалась, зависела моя дальнейшая судьба. Внутри бушевал ураган, но я твердо, стараясь быть спокойной, ответила:

– Иван Андреевич, дорогой мой художник... Я без вас пропаду... Что вы такое говорите... Как вы могли подумать, – и заплакала.

– Наташенька, дружок... – растерялся он. – Я должен был вас предупредить... когда-нибудь. Но вы не бойтесь. Просто знайте. Мы вас в обиду не дадим...

Крыловское «не бойтесь, просто знайте» на долгие годы стало моим любимым девизом – до тех пор, пока он не сменился на евангельское «Не бойся, только веруй».¹¹

Выросшая в безбедном семействе в благополучные времена, я даже не задумывалась над тем, насколько хрупка и переменчива жизнь. Юности это не свойственно вообще. А в частности, мое поколение, знавшее свой род лишь до дедов, молчавших о пережитом, было воспитано в уверенности, что синоним СССР – стабильность, которую начали уже поругивать стагнацией. Как сказал бы народный кумир Райкин: это по-научному, вам не понять. Стагнация по-простому, застой. В «застойный» советский период была провозглашена новая историческая общность людей «советский народ», многие представители которого пребывали в уверенности, что бесплатные квартиры, образование, здравоохранение, профсоюзный отдых в Крыму и на Кавказе – государство им должно, а они ему – не должны ничего. Катастрофы, кризисы перепроизводства, наводнения, забастовки, войны, ку-клукс-клан, политические убийства, неизлечимые болезни, бедные негры в Гарлеме, лейбористы и консерваторы, которые только и делали, что эксплуатировали народ, капиталистические «акулы пера», загнивание буржуазии и повышение цен – все это было «за кордоном», где-то далеко-далеко. «Наши люди в булочную на такси не ездят», но за их мирную жизнь без катаклизмов всегда в ответе партия, правительство, профсоюз. Само собой это переносилось и на жизнь отдельно взятого человека, которая так же обязана быть стабильно-непоколебимой. Ничего, кроме стабильности, я в жизни не переживала, поэтому удивлялась, зачем сочинили пословицу: от тюрьмы и от сумы не зарекайся. В те годы мне нравился Хэмингуэй, особенно его пронзительный роман «По ком звонит колокол». Привлекала романтика: война, любовь с привкусом смертельной опасности, благородство, преданность идеалам: наши – не наши. Про войну в Испании мы знали: Долорес Ибарури, Герника, Пикассо, Сент-Экзюпери, испанские дети, Михаил Светлов:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —

---

¹¹ Лк. 8:50.

Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле,
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Я пыталась понять смысл эпитафии: «Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе», но не очень понимала его. Думала: это такая литературная метафора, краснота, не имеющая отношения к реальной жизни, в которой все всегда должно быть благополучно.

Бог был милостив ко мне. Перед тем, как вытолкнуть из привычной жизни, указал на мое потребительское мировоззрение и заставил расстаться с утверждением, что кто-то кому-то что-то должен. Внезапная болезнь Крылова и его до последнего дня служение таланту, «нервный» Феликс, отсидевший восемь лет за распространение перепечатанной на папиросной бумаге Библии, красивая молодая Лера, которая на всю жизнь осталась сиделкой больного художника – положение этих людей в корне изменило мое представление о жизни. Они, я видела, отдавали себя другим, не требуя ничего взамен.

Когда заболел Крылов, я заканчивала учебу в универе. После защиты диплома мне стало безразлично, где работать дальше. Чувствовала почему-то, что недолго придется быть инженером, впереди уже готовящееся отправление в отчаянное житейское плавание. Я взяла распределение в проектную контору «кому нести чего куда», выбрав ту, что ближе к дому. Работа была не бей лежачего: непонятно кому нужны проекты. Щелкала я их как семечки. Оставалось много свободного времени, которое как-то надо было заполнять. Каждые два часа происходили чаепития с обсуждением одних и тех же советских новостей. Мое спасение было в том, что я «переваривала» услышанное у Крылова. Но часто глядя через окно на улицу с пешеходами, представляла себя за тюремной решеткой и с тоской думала, что если сидеть на этой работе до конца жизни – это каторга. Какой обман: только что была студенткой ВУЗа – звучало гордо, в голове роилось планов громадье. И каков конец: рабочие задания, которые были под силу выпускнику техникума. В голове ударило: «по ком звонит колокол», «по ком звонит колокол», «по ком звонит колокол?» Одна радость – заседания нашей маленькой компании. Феликс перепечатал на «Ундервуде» этот хэмингуэвский роман в то время, когда он был запрещен в СССР. Вот такой, оказывается, смысл у эпитафии: колокол звонит по тебе...

Когда через несколько недель Феликс вернулся к Крылову, я спросила, почему роман запретили?

Рассказывал он много и подробно, ясно, что знал ситуацию досконально. Откуда?..

18 июля 1936 года в эфире одной из испанских радиостанций прозвучала фраза: «Над всей Испанией безоблачное небо» – сигнал к началу военного мятежа. В далекой стране на Иберийском полуострове началась Гражданская война. Хрупкий испанский мир рухнул, началось противостояние между сторонниками Испанской республики и оппозиционной диктатурой военных под предводительством генерала Франко (мятежники). Гражданская война быстро перестала быть внутренним делом одной Испании – будущие главные противники Второй мировой превратили страну в испытательный полигон для своей военной техники и военных доктрин. К тому же недра Испании богаты полезными ископаемыми, рядом

пролив Гибралтар – вход в Средиземное море. Солнечная с нищим народом страна в стратегически важной точке Европы... Военный корреспондент Хемингуэй задумал свой роман в осажденном фашистами Мадриде, под бомбами и артиллерийскими обстрелами. Тогда, в 1937 году, ему было непросто разобраться в том, что происходит в Испании. Он видел страшное ожесточение с обеих сторон – не только на поле боя, но и в тылу. Республиканцы знали, что в плен к фалангистам (испанским фашистам) попадать нельзя, многие носили ампулы с ядом, оставляли последний патрон для себя. Но и республиканская госбезопасность действовала предельно жестко. Страна оказалась расколотой надвое. Все левые силы сплотились вокруг Компартии, все правые – вокруг фашистов. Первых поддерживали Франция (в начале войны) и СССР, вторых – фашистская Италия, нацистская Германия и Португалия. История Гражданской войны в Испании сложна, но во многом похожа на нашу... Но наша – правильная, советские идеологи должны были трактовать ее в нужном русле. Советские люди знали о Гражданской войне в Испании то, что им позволяли узнать.

– Роман Хэма не укладывался в разрешенную схему: хорошие «красные» – плохие «белые». По идеологическим соображениям роману ввалили восемь лет, как и мне... – усмехнулся Феликс. – Но совсем запретить книгу о героях-республиканцах такого заслуженного и знаменитого автора, было бы просто неприлично. Вы помните, Наташа, рассказ о том, как франкисты истязают в застенках Марию, возлюбленную Роберта? Или как республиканцы в маленьком городке расправляются с фашистами и их сторонниками – забивают цепями для молотьбы, даже молящегося священника. А ведь Бог – есть любовь... Гнев – не праведный советник.

Мне пришлось признаться:

– Не могу читать про такие ужасы, пропускала в романе эти страницы.

– То-то и оно... – ответил Феликс и прикрыл глаза. – История повторяется. Вы должны знать правду... Надо разбираться в идеологиях... Иначе... Пожалуй, пойду...

Он оделся и еще стоял у дверей. Я вдруг спросила:

– А как же «Гренада»? Что хотел сказать Светлов? Почему его герой украинский хлопец? Я ничего не понимаю...

– При чем здесь Светлов? – удивился Феликс.

– Как при чем? Он же про войну в Испании писал? – удивилась и я.

– Бог с вами, Наташа. Это великое стихотворение было написано за десять лет до нее. Светлов сам рассказывал, как он в двадцать шестом году проходил по Тверской мимо кино-театра «Арс» и в глубине двора увидел вывеску: гостиница «Гренада». Ему так понравилось это слово «Гренада», что он решил: дай-ка напишу какую-нибудь серенаду! Но в трамвае по дороге домой пожалел истратить такое редкое слово на пустяки. Подходя к дому, он начал напевать: «Гренада, Гренада...», а когда открыл дверь квартиры, уже знал, что напевать Гренаду будет родной украинский хлопец. Светлов родился на Украине. Стихотворение оставалось только записать... Он понятия не имел про Гражданскую войну в Испании, но, как настоящий поэт, сумел задеть потаенные струны души... Когда война началась, люди сами связали Гренаду с героями войны против Франко, Гитлера и Муссолини. Разве не помните:

Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»
Он медлит с ответом,
Мечтатель хохол:
– Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.

Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Феликс процитировал, раскланялся и ушел, сказав на прощание:

– Желаю и вам, Наташа, такой Гренады...

Про что это он, я не поняла...

– Феликс в некотором смысле прозорливец... – сказал художник, когда мы сели за стол попить чайку.

– Да... Станный он какой-то, – ответила я, внимательно глядя на Крылова, не обидел ли его внезапный уход?

– Феликс советует вам поступать во ВГИК...

– Что? – оторопела я. – Куда-куда?

– Ехать в Москву, в Институт кинематографии. Вы же знаете, я закончил художественный факультет...

– С чего он все это взял? – сказала я и заплакала. Даже не поняла, отчего.

Что-то прорвало. Выходил наружу мой страх за будущее, которое в последнее время рисовалось мне в черных тонах. В моей проектной конторе меня обещали скоро повысить до старшего инженера, но на кой он мне сдался, если от работы тошнит... Крылов подлил масла в огонь:

– Простите меня, дружок, великодушно. Я иногда делился с Феликсом... про ваше непонятное уныние. Все при вас: молодость, красота, работа, дом, живые родители, друзья... Но какой-то червь гложет. Мне кажется, это уныние только усиливается. Так не далеко и до отчаяния... Мы думали-думали и придумали. Вам надо резко поменять жизнь. Вашу контору – на ВГИК. Прекрасно!

– Издеваетесь? – слезы текли и текли из моих глаз. – Какой ВГИК? Какие двадцать копеек? Вы издеваетесь...

– Какие у меня причины издеваться над вами, – сказал Крылов и опрокинул чашку с чаем. Как кажется, специально...

Я понеслась на кухню за тряпкой, по пути зашла в ванную, привела себя в порядок. Все-таки безобразие – нюнить перед больным художником. Когда возвратилась, разговор продолжился.

– Наташенька, я плохой советчик... Но, право, подумайте.

– О чем думать. Надо иметь таланты, – резко оборвала я. – А какие у меня таланты? Нету никаких.

– Дружок, поверьте седым волкам... Я от безысходности поступил во ВГИК. Что-то такое было – руки чесались рисовать. В Репинское в Ленинграде не приняли, поехал в Москву, в Суриковское провалился. А во ВГИК – пожалуйста! Окончил, получил корочки художника кино. Даже три картины сделал...

– У вас хоть руки чесались... – перебила я.

– Не боги горшки обжигают, дружок Наташенька.

На следующий день, глядя через окно на улицу с прохожими, я почувствовала, что мне не так тоскливо. Но, возможно, это было потому, что утром мне сказали, что повысили в должности – до старшего инженера с прибавкой к жалованью в пятнадцать рублей. Мне показалось, что Крылову это будет приятно услышать. По дороге я подумала, а успею ли я поступить во ВГИК в этом году. Был конец марта, снег почти сошел, по улицам бежали веселые ручьи. До свидания, дорогие, больше я вас не увижу... здесь.

Крылов, конечно, обрадовался повышению и, наверно, подумал, что тоска моя прошла. Я не заговаривала о ВГИКе, он тоже. Лера была дома – редкий случай. Мы просто сидели и болтали. Обсуждали новый жемчужный натюрморт художника. Мне он очень нравился.

– Иван Андреич! Это выставочная картина! – воскликнула я. – Правда! Я поняла, какая это красивая палитра цветов – жемчужная.

– Подарю вам, Наташенька, если поступите, – ответил Крылов.

Я осеклась. Заколотилось сердце, будто предстояло прыгнуть в темный глубокий колодец.

– Наташк, если ты уедешь от нас, мне будет очень тебя не хватать, очень-очень, – печально сказала Лера.

Я знала, что они желают мне только добра. Но... лучше синица в руках, чем журавль...

– В небе... – сказала я вслух.

– Над всей Испанией безоблачное небо, – улыбнулся Крылов. – Было, есть и будет.

Моя жажда путешествий была неистребима. Сразу после универа, я закончила курсы экскурсоводов и в выходные иногда возила группы в Москву. Автобусный маршрут пролегал через Владимирскую область. Я выучила типовый текст по Древней Руси: Владимир, Суздаль, Ополье, Юрьев-Польский, владимирцы и новгородцы, икона Знамения Божией Матери, князь Андрей Боголюбский. Никакой религии, исключительно история края...

В конце марта я поехала в Москву. Оставив группу на местного групповода, сама отправилась искать по адресу здание ВГИКа, около ВДНХ. Оказалось, что наша гостиница совсем рядом... С опаской я вошла в парадный подъезд овечьего легендами здания с вывеской: «Всесоюзный государственный институт кинематографии». В субботу внутри кипела жизнь. Студенты отличались от обычных – раскрепощенные, модно одетые. В обрывках разговоров запросто упоминались известные киношные фамилии. Я оробела: это же сколько тут талантов, куда мне... Если бы приемная комиссия была на третьем этаже, от страха я бы до нее не дошла. Но комиссия оказалась на первом, в темном коридоре.

– Хочу к вам поступить, – сказала я, войдя в нужную комнату, в которой сидела единственная женщина.

– На какой факультет? – безразлично спросила она.

– Э... э...

Тут раздался резкий звонок, женщина кивнула на столик со стопками листов и стала разговаривать по телефону. Я взяла по листку из каждой стопки: это были правила приема на разные факультеты. По дороге домой я изучила вопрос: везде, кроме экономического, был предварительный творческий конкурс.

Эти бумажки я разложила перед Крыловым и невесело спросила:

– Ну и куда мне податься?

– Наташенька, давайте думать, – смутившись, ответил он.

Стали мы думать... Не в один раз, но решили: на экономический поступать – глупо, на операторский – тяжелую камеру надо таскать, не женское дело, на киноведческий – вообще непонятно что, сценарный я сразу забраковала – писать не умела, оставался режиссерский – какие туда требовались таланты, был вопрос... Что двигало нами тогда – не понимаю. Может, азарт, будто в игру играли. На творческий конкурс было необходимо представить работы: сценарий телепередачи, очерк и чего-нибудь еще, лучше опубликованное: всего двадцать страниц машинописного текста. У меня не было ни одной.

– Сценарий, считайте, у вас в кармане. Направляйте стопы ваши к Ивану Всеволодовичу, что-нибудь придумаете про художественное училище.

Придумали, и даже прилично получилось. Про то, как студенты видят свое будущее в советском искусстве. Отобрали несколько небанальных историй и сняли в студии двадцатиминутную передачу – тут Иван Всеволодович подсутился, показали по местному телеви-

дению, я даже письма с откликами зрителей получала. А потом, как специально, по городу узкой полосой пронесся страшный смерч. Невиданное природное явление: срывало крыши, поднимались в воздух машины – Оклахома какая-то. Об этом смерче написали в центральных газетах – с какими-то идиотскими домыслами, чуть ли не облизполком в случившемся обвинили. Написала я одиннадцать страниц очерка – как в действительности вел себя смерч и девять – телесценария. Итого – двадцать. Помню, были майские праздники, все гуляли и звали меня, а я в одиночестве, втихаря печатала одним пальцем в найденной Лерой душной комнатенке, куда с предосторожностями принесли «Ундервуд» Феликса. Отправляя в приемную комиссию свои труды, я ни на что не надеялась... Но через месяц пришел вызов. Делать было нечего: я взяла административный на несколько дней. Пришлось еще учить стихотворение и отрывок из художественного произведения, которые надо было читать на творческом конкурсе: режиссер должен, оказывается, обладать и актерским талантом. Об этом мы с Крыловым задумались недели за две до экзаменов. Он предложил «Бородино» и монолог Нины Заречной из «Чайки»: «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом...» Я никак не могла запомнить последовательность всех этих странных персонажей и ничего хорошего на творческом туре не ждала.

Провал был полнейший. Как, оказывается, страшно выйти на публику, а экзаменационная комиссия просто парализовала меня, словно удав кролика. К тому же я простудилась в поезде, так что голос почти пропал.

– Милая девушка, – прервала меня в самом начале «Бородина» известная актриса. – Вы ошиблись в своем выборе. Достаточно.

Я была рада провалу – нет, это не для меня!

Когда вернулась домой, все встало на свои места. Работы в проектной конторе прибавилось. Почаще стали посылать меня в Москву с экскурсиями. Я стала привыкать к столице, и мне как чеховским трем сестрам стало чудиться: «В Москву, в Москву!»

Продолжились встречи нашего «философского кружка». Я стеснялась заговаривать о ВГИКе. Феликс с неприятной настойчивостью стал агитировать Крылова креститься католиком. Дошло до того, что узнав о приходе Феликса, я отнекивалась. Крылов, конечно, заметил... Возможно, на этой волне возобновились разговоры о новом поступлении. А может, потому, что наступил новый март и у меня, как у Крылова, вдруг «зачесались руки» писать. Нужно было отправлять работы на предварительный творческий конкурс.

– Дружочек... мне кажется, вам надо поступать на сценарный. Почему бы нет? – осторожно предложил Крылов. – Не стал огорчать вас в прошлый раз, что режиссерский факультет расписан на двадцать лет вперед: у всех именитых подрастают дети...

– Так же и сценарный, – усмехнулась я. – Не сомневаюсь.

– Но на сценарный все же легче... Написал и сразу понятно, есть ли что у человека за душой. А режиссеру целое кино надо снять, прежде чем поймешь, что он за штучка, – улынулся он. – Может, удастся проскочить?

– Это из области фантастики...

– Знаете, Наташенька... Послушайте седого волка, какой он приобрел опыт. Когда человек задумал что-то сделать, серьезное... Бывает, у него не получается. Раз не получается, другой, третий... Вот уже и руки опустились. Надо сделать последнее усилие, а кажется – невозможно. И человек отступает, складывает крылышки... Проходит какое-то время, и он понимает, что тогда чуть-чуть не дождал, всего чуть-чуть, поддался панике... И все! Время ушло, – он замолчал, не видя моей реакции. – Ну хорошо, скажу словами философа, если мне не верите. Люблю Сенеку: «Никто не возместит тебе потерянные годы, никто не вернет тебе тебя. Время твоей жизни, однажды начав свой бег, пойдет вперед, не останавливаясь и не возвращаясь вспять».

– Какие хорошие слова, – прорвало меня.

– Дерзайте, дружок! Не останавливайтесь. Не знаю, сколько Господь мне оставил жизни, но пока жив, обязан вам говорить это.

Я чувствовала, какая грусть легла на душу художника: он и верил, и не верил... И совсем не в то, поступлю я или нет, он скорбел о нашем грядущем расставании. Крылов был настоящий учитель жизни в творчестве, у которого, конечно, кошки на душе скребли от того, что оставляет его прилежный ученик. Но: «орлята учатся летать». Выучившись, они должны покинуть родное гнездо. Больше таких искренних и даровитых учителей в моей жизни не было. Во ВГИКе царили совсем другие нравы. Или мне не повезло там с учителями. Но скорее всего Господь судил мне начать взрослеть.

Неудивительно задним числом писать о случившемся с легкой иронией... Но чтобы не соблазнить читателя этой легкостью, свидетельствую: решиться переменить жизнь, оставить друзей, привычное спокойное существование, заладившуюся карьеру, уехать с двумя чемоданами в столицу и без поддержки родных, считавших мою затею блажью, сделаться «свободным художником» – дело крайне трудное, которое не всякому под силу. Без Божьего благословения осуществить этот выход «в безвоздушное пространство» невозможно. Тогда я так не рассуждала. Тогда меня постоянно преследовал образ будто я, сдирая в кровь пальцы, карабкалась вверх по отвесной стене, рискуя упасть и разбиться. Но кровь, которая текла во мне, была казачья... Казаки не сдаются.

Решившись поступать на сценарный, я послала на предварительный конкурс прошлогодние работы, рассуждая так: что есть, то есть. А если нет, то откуда ему взяться за год? Вызов мне снова прислали. Я могла бы еще десять раз посылать и столько же проваливаться. Без везения, как в лотерее, удачи не видать! На сценарном стихов читать не надо было – уже везение. Творческий конкурс проводил Евгений Габрилович, который тогда, как впоследствии выяснилось, работал над сценарием «Сладкой женщины». Мэтр что-то такое во мне учуял и это передалось мне. На экзамене я расслабилась, страх сразу прошел. В течение целого часа мы разговаривали, как давние знакомые на всякие житейские темы. Он выпрашивал: а как бы женщина к такому отнеслась, а как к эдакому, что бы она на это сказала, как бы на то прореагировала. Разве это экзамен? Известный сценарист остался доволен, даже какие-то пометки делал в своем блокнотике, и поставил мне пятерку. Сочинение со страху я тоже написала на пятерку. Последним был экзамен по истории. Школьную историю я знала плохо, а в свете того, что слышала от Феликса и Крылова, вообще учить ее боялась, чтобы мозги не засорять. Я могла ответить на единственный вопрос: раздробленность Древней Руси. Когда я вошла в аудиторию и потными пальцами взяла билет, сердце от страха заколотилось так, что казалось, его стук слышен всем. Я глянула в билет, увидела вопрос: раздробленность Древней Руси и вызвалась отвечать без подготовки, потому что это была тема моей экскурсии. Тогда я думала, как повезло! Теперь знаю: слава Богу за все!

ТАСС уполномочен заявить

Выпускникам сценарного факультета ВГИКа в мое время предоставлялась оплачиваемая стажировка на киностудии. Стажировка давала возможность стабильного существования еще целых два года, в течение которых можно было «запуститься» со своим сценарием и попасть в число действующих кинематографистов. В случае неудачи «свободного художника» ждал мрак неизвестности. Наш курс состоял всего из пятнадцати студентов, но стажировку давали только десяти. И все понимали, что в стажеры наверняка возьмут всех учившихся на нашем курсе детей известных родителей. Простой смертный мог надеяться только на чудо.

Факт, что я получила стажировку. Но с таким же успехом я могла ее не получить. Оказаться в аутсайдерах сразу после окончания ВГИКа в тот раз Бог не попустил. Загвоздка с моей стажировкой была в том, что я «не про то» дипломный сценарий написала. А «не про то» – это вот про что...

Летом после четвертого курса сценарного была предусмотрена преддипломная практика. Каждый должен был выбрать себе тему дипломного сценария и поехать, так сказать, на объект, собирать материал. Почти две трети студентов нашего маленького курса принадлежали к когорте детей известных режиссеров, актеров и писателей; почти все они, двадцатилетние, не сильно задумываясь, отправились искать темы будущего сценария на побережье Черного моря, где как раз снимал свой будущий шедевр режиссер У. Эти «дети» по праву рождения принадлежали к советской художественной элите, имели представление о таинственной творческой «кухне», их известные фамилии и связи обеспечивали их киношное будущее, а режиссер У – летнее приключение на съемочной площадке. Преимущество тех, кто не имел богемных родителей, состояло в том, что, будучи старше «везунчиков» и, как правило, имея уже высшее образование, они успели поработать и лучше ориентировались в проблемах обычной жизни. Модная тогда «производственная тема», востребованная в советском кинематографе, была ближе и понятней. Имевшие «первое высшее», напридумывали для своих дипломов сюжеты с производственными конфликтами – чтобы уж наверняка... Про борьбу лучшего с хорошим, смеялись мы над собой в общаге. Всем оплачивали дорогу к «объекту» художественных размышлений. И «немосквичи» за казенный счет разъезжались по домам – «думать над сценарием», а лучше сказать, побыть с родственниками, по которым год скучали.

Я так и не побывала в Самарканде и Бухаре: все накопления ухнула в пишущую машинку “Unis”. Подумала: не поехать ли туда на преддипломную практику? Но все же хватило ума не придумывать «производственного конфликта» в братской Узбекской республике. Восток все-таки – дело тонкое.

Захотелось тогда двинуть еще дальше и побывать на Дальнем Востоке. В Хабаровске жила подруга Ася, с которой мы познакомились в Москве, на вступительных экзаменах во ВГИК. Несколько лет мы активно переписывались. Я позвонила Асе. Она восприняла мой приезд на «ура», пригласила к себе пожить и передала от мамы Ирины Васильевны, работавшей на студии кинохроники, большущий привет.

Просмотрев кое-какую литературу, я написала сценарную заявку, связанную с ловлей красной рыбы на Сахалине. Руководители нашей сценарной мастерской заявку одобрили и даже похвалили за то, что я в отличие от остальных действительно собираюсь окунуться в самую гущу жизни... Это была первая похвала за годы учебы во ВГИКе.

Для осуществления чеховской мечты побывать на Сахалине пришлось принять настоящий бой. Бухгалтерия категорически отказывалась оплачивать мою дорогостоящую поездку. «Производственных конфликтов и поближе полно, – внушали мне в бухгалтерии. – На такие-

то деньги четырех студентов можно командировать...» Я поняла: глухо! Билеты действительно были дорогими. Цена самолета туда и обратно равнялась полугодовой стипендии...

Откуда явилась мне мысль обратиться в ЦК комсомола, не помню.

Пусть несется весть —
Будут степи цвести,
Партия велела —
Комсомол ответил: «Есть!»

Организацию под названием ВЛКСМ, которую надо было поддерживать копеечными членскими взносами, я тихо ненавидела за ее ложь. Это еще в те времена, когда даже не догадывалась о том, что первые шесть ее главных секретарей были расстреляны, а последние стали обычными номенклатурщиками. Но и без того чувствовалось, что система комсомольского агитпропа агонизирует и дурно пахнет...

Мое решение обратиться в ЦК комсомола вызвало у наших богемных мальчиков приступ заслуженного негодования. Хорошо было им со своими знаменитыми папами и мамами, а мне надо было пробиваться самой. Я подумала: с худой овцы хоть шерсти клок, хотя подобный компромисс был совсем не в моем характере. В другом случае просто отказалась бы от поездки. Но тогда почему-то не отказалась. И это было благое решение. А благое решения кто внушает? Правильно – ангел хранитель!

О роли ангелов в моей жизни я еще не сильно задумывалась, поэтому долго боролась с собой, поддавшись традиционной гамлетовской рефлексии «To be, or not to be, that is the question». Все же решила: «to be» – и с прошением от ВГИКа пошла по инстанциям. В здании на Старой площади за пару недель обошла несколько кабинетов, в которых за столами сидели приятные молодые люди, которые к моей затее отнеслись с большим вниманием и пониманием. В конце концов я получила подъемные и командировочное удостоверение, подписанное самим товарищем Мишиным В. М., первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Этот факт окончательно и бесповоротно убедил многих моих сокурсников, что я именно и есть «настоящая Горбачева», родственница недавно ставшего Генсеком Михаила Сергеевича. Тогда, по их мнению, все объяснялось: каким образом после провинциального мехмата я попала во ВГИК, да еще сразу на второй курс, а потом перевелась с заочного на очный, что равносильно новому поступлению или невозможной удаче для обычного человека. Переводы во ВГИКе – вещь экзотическая. И еще – дружила с Паолой, которая даже в общагу ко мне в гости приходила, а она просто так ни с кем дружить не станет. И вообще – я ничего не боялась...

Насчет «ничего не боялась» – вроде не замечала за собой, но сокурсники, стало быть, замечали. Пришлось задуматься. И я нашла ответ.

– С Дону выдачи нет, слышал? – сказала я как-то самому славному из наших богемных. – Донские казаки не возвращали беглых холопов, и те становились свободными. И крепостного права на Дону не было, рабства то есть. Свободные люди жили. Я – донская казачка, если что...

– Ясно дело, если Горбачева.

– Горбачев из Ставропольского края. Не знаю, какой он там казак, а мой дед казак донской. Он был директором конзавода, в Сальских степях, слышал о таких? Его сам Буденный назначил.

– Ну! – воскликнул богемный. – ЧТД, как ты говоришь, – что и требовалось доказать. Связь установлена. Будешь ты у нас, Горбачева, в Госкино важной птицей.

И я заметила, что в отношениях «богемных» ко мне наступила некая оттепель. Наша сценарная мастерская негласно была поделена на «общежитских» и «домашних» – и на досуге ни мы – к ним, ни они – к нам не заходили. Даже в институте особого обще-

ния не наблюдалось. Действительно, о чем было говорить людям из разных – хоть и советских – слоев общества? В течение четырех лет я, признаюсь, белой завистью тайно завидовала нашим богемным мальчикам и девочкам. Если бы я, как они, могла с молодых ногтей общаться со вхожими в их семейства великими режиссерами, композиторами, музыкантами, поэтами, писателями, артистами... Я бы... Мне бы... У меня бы... Глядя на богемных, я с тоской думала – никогда мне не пробиться в этот их мир кино, нет во мне чего-то такого... Нет связей, нет тыла, нет талантища, который мог бы сам за себя постоять... Что я вообще делаю во ВГИКе? Зачем я сломала себе жизнь? Господи!? Где Ты? Хрупкой моей соломинкой оставалась лишь совсем недавно вживленная в душу вера. В Евангелии, впервые прочитанном, более всего поразили меня слова Христа: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство»¹² и другие, подающие надежду: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».¹³

---

¹² Лук. 12:32.

¹³ Иоан. 16:33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.